

Сквозь призму времени

Слова автора

Здравствуйте, Друзья!

Очень надеюсь, что вы не будете против, если я займу пару ваших выходных после тяжёлой рабочей или учебной недели; попрошу налить себе кофе, лечь на диван под тёплый плед в компанию любимого или любимой и обратить внимание на шесть историй, изложенных мною ниже. Каждая из них написана в разную пору моего взросления, поэтому некоторые из ранних рассказов могут показаться наивными и, скорее всего, чересчур детскими; более поздние, может, окажутся довольно увлекательными; если честно, я не знаю, всё покажет время...

Название «Сквозь призму времени» вылилось из одноимённого рассказа, открывающего данный сборник.

Наверное, ты задаёшься вопросом: почему именно такое название? Всё достаточно просто и прозрачно: я считаю, что человек развивается вслед за временем. И только пройдя достаточно зрелую жизнь, он способен, расположившись в кресле и водрузив на нос очки, (окуляры которых – та самая призма времени), трезво оценивать прожитое – то, что успел прочувствовать на собственном опыте, и то, на что всё-таки не решился.

Сейчас мне всего-навсего девятнадцать лет. Я пишу это предисловие, сидя на скамейке агитплощадки «Тополёк» – ты о ней узнаешь совсем скоро. В правом ухе у меня наушник с музыкой. Снаружи идёт дождь, а рядом со мною двое незнакомых: девушка и парень. Она рисует его портрет, он поддерживает с нею диалог, спасая обоих от скуки.

Да, мне действительно девятнадцать и моя взрослая жизнь только-только начинается. Очень скоро мне придётся задуматься о том, какой же мир я должен для себя построить и жить самостоятельно.

Признаюсь честно: лет пять назад, когда книги только-только начали быть частью моей жизни; когда я сам принялся за писательство, мои первые попытки изложить хоть какую-то маломальски приличную историю, которую можно было бы назвать настоящим литературным произведением, все как одна, сводились к нулю.

Мне всегда больше нравилась и нравится до сих пор зарубежная литература. Но и к русской классике я не перестаю питать самые тёплые чувства!

Моей первой книгой из русской классики оказался роман Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита». Его я взял добровольно, будучи восьмиклассником. Стоял в очереди школьной библиотеки, когда мне в голову стукнула такая мысль: *«Если я начну читать, то обязательно стану образованным и разносторонним человеком»*. Но, прочитав, я, к сожалению, так и не смог понять всей глубины этой книги. Наверное, это всё из-за моего юного возраста. Кто знает? Может, прочитай я сейчас «Мастера и Маргариту», понял бы куда больше...

Спустя год мне вновь посчастливилось столкнуться с творчеством Михаила Афанасьевича. В девятом классе на дом нам было задано прочесть цикл рассказов «Записки юного врача». Мне удалось, если можно так выразиться, «проглотить» книгу за два вечера. Первое, о чём я подумал, когда добрался до последних десяти страниц: *«Лишь бы она не заканчивалась!»* Так я был увлечён.

Прошла неделя подготовки, я оказался одним из выступающих перед классом. Впервые в жизни я не чувствовал волнения перед аудиторией, что сильно удивило меня самого. Пять дней я сгорал от страстного желания рассказать одну из историй (на самом деле был готов рассказать все, но, увы, разрешено было лишь одну). Всё прошло успешно.

Пока я писал сборник, слушал музыку разных исполнителей. Не знаю, как пишут другие писатели и что вдохновляет их во время работы, но музыка помогала мне придумывать образы главных героев этих рассказов. Она вообще во многом мне помогла.

Расскажу вкратце о каждой истории, включённой в сборник:

«Сквозь призму времени» – мой взгляд на город, в котором я живу. Каким бы я хотел видеть его спустя сорок лет.

«**Мы победили**» – эксперимент, целью которого было узнать, смогу ли написать историю о военном времени.

«**Публика**» – не покривлю душой, если скажу, что данный рассказ наполовину автобиографичный.

«**Кома**» – сюжет, взятый наполовину из детства, наполовину из сна.

«**Трипофобия**» – ещё один выбор перед подростком: опустить руки или же собраться и начать бороться, чтобы не жить в страхе.

«**Осторожно, вход воспрещён!**» – на половину – автобиографичная история, на половину – выдумка.

В каждый рассказ я постарался вложить собственные тепло и радость – в общем, всё то, чем наполнен сам.

Во время написания сборника меня поддержал преподаватель истории и по совместительству – бывший руководитель моей группы в городском колледже – Эккерт Ирина Николаевна. Она многому меня научила. Так что огромное Вам спасибо!!!

Как оказалось, потом исправлять было что. Тогда я взял ручку и начал править ошибки на распечатанных альбомных листах. Однажды один мой знакомый сказал мне, что настоящее творчество начинается исключительно во время правки, мелких деталей текста, которые режут слух при прочтении, после того как отлежатся с пару недель в закрытом ящике стола. Так вот, этот мужчина оказался прав! Я наконец-то прочувствовал на себе, какая это всё-таки интересная и одновременно непростая работа – отсекай лишнее от собственного произведения и добавляй что-то новое для целостности картинки. Так сказать, придание формы и содержания в едином комплекте. Не могу поспорить и с тем, что когда писатель убирает некоторые сцены, не вписывающиеся в сюжет, это сравнимо с ножом, режущим сердце, но одно я всё-таки уяснил: исправление – к лучшему!

Итак, Друзья, вы налили себе кофе? Легли под тёплый плед, как я просил? Тогда, думаю, мне стоит закругляться, но прежде чем я уйду, хочу сказать, что у меня есть к вам ещё две маленькие просьбы: первая – отправляйтесь в это небольшое путешествие, и вторая – прошу, будьте счастливы!

Сквозь призму времени

16 декабря 2013 года.

Привет тебе, Александр, из далёкого будущего! Эти строки пишу обычной шариковой ручкой. Возможно, ответишь мне телепортированной мыслью. Я семнадцатилетний студент Краснотурьинского индустриального колледжа, будущий специалист в области компьютерных комплексов и сетей, учусь выстраивать 3D графики.

За окном декабрь, холодный ветер заставляет ладони прохожих играть с ним в прятки. Скоро новый 2014 год. В городе, как обычно предновогодняя суета, но если всмотреться, то можно увидеть растерянность и горечь разочарований. Умирает завод – ровесник Великой Победы, почти 70 лет дающий стране и миру крылатый металл. Встревоженные горожане пытаются обрести надежду на достойное будущее... Помоги мне, Александр, увидеть свой город сквозь призму времени в новом ракурсе, с реализованными надеждами.

16 декабря 2054 года.

Приветствую тебя, юный Александр, из далёкого прошлого! Скоро наступит новый 2055 год... Над городом сгущаются сумерки и плывут над улицами, как в твоих детских снах, фоллупы – электрические светлячки... Я расположился на набережной, на коленях у меня джукбук – очередное чудо техники. Гордость города в 20 веке – алюминиевый завод – стал историей, о его существовании напоминают музейные экспонаты краеведческого музея. Технопарк, о котором говорили в период демонтажа предприятия, даёт возможность реализовать горожанам свой

профессиональный и интеллектуальный потенциал. Гордостью технопарка стали сенсорные джукбуки, очистители воздуха и электромобили (воплощённый замысел гения Николы Теслы).

Ты помнишь зелёный парк в центре города с полуразрушенным фонтаном? Студенты-волонтёры твоего колледжа реконструировали его в 2020 году. В новогоднюю ночь он порадует нас горячим шоколадом.

Трампарк – достояние нашего небольшого городка стал экспресс-парком. Экспресс поезда – мобильный и комфортный вид транспорта, удовлетворяющий запросам даже самых требовательных пассажиров. Ты не поверишь, но топливом для этой чудо-техники является жидкое хозяйственное мыло...

На улице Молодёжной, где ты провёл счастливые годы детства, построили гидролэнд – «голубую мечту» взрослых и детей северного уральского города. Там же расположились всеми любимая в городе электронная библиотека, шахматный клуб, центр этнических культур (что немаловажно для нашего многонационального и многоконфессионального города). К счастью в городе теперь нет детского дома и дома престарелых. Забота о пожилых и нуждающихся в уходе людях, возложена на санаторий, специализированный центр реабилитации, расположенный на берегу живописной реки Каквы, в районе синих скал.

Живёт, Александр, наш Краснотурьинск – город белых ночей и будет жить в наших делах, в достижениях земляков. Нам есть чем гордиться и о чём мечтать...

Мы победили!

Переезд – занятие всегда интересное!

Переезд моей семьи случился в преддверии зимы. Новая квартира понравилась всем без исключения, стоило только переступить её порог. Нас с братом полностью устроила нынешняя совместная комната, поэтому мы сказали родителям, что обойдёмся без ремонта, самостоятельно наведём в ней порядок и обустроим так, как обоим захочется.

Каждый раз при входе в комнату на себя обращала внимание кладовая, на стене которой высокое зеркало отражало установленные напротив пустые полки, антресоль и перекладину для гардероба.

Мы с мамой на равных поделили антресоль, заставив её консервацией и книжками. Две нижние полки выделили себе папа с братом. Отец хранил там инструменты для быта. А братишка заполнил свою территорию скопившимися за несколько лет коробками со школьными поделками и игрушками.

В следующее воскресенье, когда родители отдыхали на даче, а брат гонял мяч с друзьями на школьном дворе, я проводил последний день каникул за сборником произведений любимого автора. До финальной сцены последнего рассказа я так и не добрался, поскольку меня отвлек мерцающий свет в кладовой.

«Что, снова забыл выключить»? – подумал я. Всю неделю проживания здесь меня не покидал повышенный интерес к маленькой пристройке...

Вернув книгу на место, я совершенно случайно нащупал «нечто» – тонкое, хрустящее... Этим «чем-то» стал стебелёк ромашки. И тут меня заинтересовало, нет ли ещё чего-нибудь ближе к стене? На краю нижней полки я поднялся на носочки, провёл ладонью за книгами, консервацией и неожиданно коснулся «чего-то» шуршащего, чем вскоре оказался большой чёрный пакет.

– Ну-ка, что это у нас? – спросил я вслух. Спустился на ковёр, отправился к кровати и вытащил содержимое: галифе, гимнастёрку, ремень и пилотку с золотой и красной звёздами, неношеные сапоги...

Волна радости захлестнула меня. Чтобы успокоиться, я шумно выдохнул, затем вдохнул воздух и снова выдохнул. Мне не терпелось надеть найденные вещи и прогуляться по квартире, поэтому стопы незамедлительно нырнули в кирзовые сапоги, ремень настоящей советской винтовки лёг на плечо, а я благодаря зеркалу лицезрел отражение ромашки в правой руке и, как в

детстве, гадая на любовь, оторвал лепесток: под ногами ковёр сменился землёй, щебнем, травой, еле заметной дымкой тумана... от окружающего меня прежде не осталось и следа.

Обдуваемый тёплым, по всей видимости, летним ветром, я сидел в кустах, напоминающих можжевельник, а через размытую дорогу возвышалось разбомбленное двухэтажное здание. Табличка над входом более или менее разборчиво гласила: Г.сп.тал. СССР.

Переминаясь у дверей, доктор держал под руки мальчика и девочку. Конечно, он вывел их не по своей воле, того требовали двое немцев, угрожавших беззащитным дулами автоматов. Первый солдат следил за доктором, второй собирался погрузить детишек в кузов и, скорее всего, увезти в один из концлагерей. Выстрел эхом прокатился по городу, как только дети оказались у второго немца; таким образом, первый солдат избавился от фельдшера, потому что тот сопротивлялся.

– А ну не трогай сестрёнку, отцепись, немчура поганая! – кричал, вырываясь, чумазый мальчишка в рваной одежде. Он сопротивлялся, пытался бить солдата свободной рукой, сжатой в кулак, но этим лишь ещё больше раззадорил немцев.

– Мишка... Миша, помоги-и-и... – не переставала кричать девочка, оказавшись в кузове.

Обращаться с оружием меня научили на занятиях в тире, где стрелял я по обычным мишеням и не мог подумать, что когда-нибудь мне придётся убивать людей, но с другой стороны, я не мог допустить, чтобы детей увезли. Потому-то, поборов страх, я убрал ромашку в нагрудный карман, зарядил винтовку (хотя и не знал, сколько в ней патронов), прицелился и, задержав дыхание, выстрелил. Солдат рухнул на землю.

– Либо сейчас, либо никогда! – Мои руки уже не дрожали, как перед первым выстрелом.

Пока я перезаряжал винтовку, немцу удалось добежать до кабины грузовика, и он бы забрался туда, но следующий выстрел его опередил. Солдат припал к открытой двери, застыв, подобно статуе.

Из кузова послышались плач девочки и мальчишеский голос:

– Асенька, не бойся, нас спасут!

Я огляделся по сторонам, убедился, что поблизости больше никого нет, убрал за спину винтовку и пересёк дорогу.

– Эй, ребята, вылезайте, – шёпотом позвал я.

Первым из-под коричневого брезента выглянул мальчик, вслед за ним – девочка.

– Всё кончилось! Только тихо! – попросил я.

Мальчуган спрыгнул на землю.

– Ася, давай, теперь ты, – сказал он, когда я протянул руки девочке в красном потрёпанном платье.

Ребятишки стояли рядом и смотрели на меня полными слёз глазами, в которых читалась искренняя благодарность. Я старался поблагодарить их за смелость и желание жить, но между нами, казалось, встала прозрачная вековая стена, из-за которой дети меня вовсе не слышали. Вот почему мы лишь прикоснулись друг к другу ладонями и улыбнулись.

Спустя мгновение я невольно нашёл в кармане галифе сложенный листок бумаги, прочёл написанное на нём и отдал мальчику.

– Мы победили! – прочёл я по его губам.

Я вновь обменялся с детьми взглядом.

Ася и Мишка взяли за руки и, помахав мне на прощание, скрылись за поворотом улицы.

Пару секунд я продолжал вдыхать воздух военного времени, потом достал ромашку и оторвал лепесток.

Полки. Антресоль. Зеркало... Всё вернулось на свои места. А я смотрел на собственное отражение в форме и с увядшей ромашкой в руке.

Публика

Бумажная птичка «ИЛ-2» бороздила кабинет, разрезая крыльями воздух; лавируя змейкой, она совершила посадку. Нос столкнулся с воротником блузки вошедшей в кабинет Анны Викторовны – классного руководителя девятого «А» класса.

– Так, замечательно! – Женщина нагнулась, чтобы поднять игрушку. – И кто здесь такой изобретательный, что вместо урока алгебры занялся изготовлением самолётов?

Класс молчал. Все сидели, притаившись на местах.

– Если это кто-то из юношей, то он как настоящий мужчина обязан встать и признаться! Ну, а если это – девушка, то ей тем более должно быть стыдно! На уроке должны быть тишина и порядок!

– Здравствуйте, Анна Викторовна, они не признаются, – сказала Алиса Сергеевна. – Не впервые уже пускают самолёты, а потом жалуются, что им не на чем писать на занятиях, – добавила она.

– Ничего-ничего, Алиса Сергеевна, мы родителей вызовем – сразу станут как шёлковые, – сказала Анна Викторовна, пригладив солнечно-жёлтые волосы. Она скомкала бумажный самолёт и выбросила в урну, стоящую у двери.

С места поднялся Олег Ситцев, которого в кругу друзей звали Ситцем.

– Это я сделал, – признался парень, взглянув на обеих преподавательниц. Казалось, он не чувствовал стыда за содеянное.

– Олег? – изумилась Анна Викторовна.

– Да, а что в этом такого-то? Это же просто листок бумаги, пустяк, – ухмыльнулся он, ожидая поддержки одноклассников. Но поддержки не последовало.

– Значит, по-твоему, это пустяк, да? – прищурившись, уточнила Анна Викторовна. – А потом мне твои родители будут звонить, спрашивать, почему у их любимого сыночка очередная пара по контрольной?

– Да бросьте! Ничего такого не будет, я думаю, Вы уже придираетесь!

– Вот теперь стой и подумай, что для тебя важнее: остаться на второй год в выпускном классе или удачно сдать последнюю контрольную, чтобы быть допущенным к экзамену по алгебре?

Олег промолчал.

Убедившись, что спор с подопечным разрешён, классный руководитель обратила внимание на остальных учеников своего класса.

– Собственно, почему я прервала урок, – начала Анна Викторовна. – В следующую среду, в нашей школе на классном часе будет проведён ежегодный конкурс среди пятых-одиннадцатых классов «Ты – звезда!». Поэтому, если у кого-то из присутствующих есть желание выступить на сцене перед остальными учениками, то можете подойти после занятий в мой кабинет и сказать. – Женщина перевела взгляд на Алису Сергеевну. – Мне нужно идти. Извиняюсь, что прервала урок. Зовите, если будут бездельничать или бросать самолётики. – Мгновенье она укоризненно смотрела на Олега. – Сядь, Ситцев.

– Да-да, не переживайте, я знаю, где вас искать. – Алиса Сергеевна взяла кусочек мела, чтобы написать новую тему.

Анна Викторовна собиралась уже выйти в коридор, как вдруг заметила девушку, тянущую руку. Это была Лена Саннич – новенькая в классе.

– Да, Леночка, ты что-то хотела спросить?

– Да, Анна Викторовна. Насчёт конкурса. А я могу написать свой собственный сценарий для номера?

Женщина, нахмурившись, поинтересовалась:

– Свой собственный сценарий?.. Может, лучше что-нибудь из классики? Скажи, ты писала раньше?

Девушка в растерянности ответила:

– Я?.. Раньше?.. Нет... Это мой первый эксперимент.

– Вот видишь? Для полноценного номера необходим опыт! – объяснила Анна Викторовна.

– Но... но, может, я напишу свой вариант? – продолжала Лена.

– Нет-нет... – равнодушно отмахнулась Анна Викторовна. – Об этом и речи быть не может.
– Ну почему же? – вмешался Олег.
– Что? Повтори, что ты сказал.
– Говорю, что я с вами не согласен!
– Да? Почему же, позволь узнать?
– Увы, но, я считаю, что далеко не всё построено на классике! Мне кажется, Лена имеет право написать сценарий! Разве вы сами не видите? Для неё это очень важно! Тем более, это конкурс. Какая бы тема номера ни была, и что бы в нём ни было использовано, это личное дело участника! – Олег вздохнул. – Творчество не имеет какого-то эталона, оно даёт возможность придумывать что-то новое. Я считаю, что жюри не оставит без внимания самостоятельность, оригинальность и энтузиазм, вложенные в дело автором.

Анна Викторовна была ошарашена мышлением юноши, так ярко отстаивающего право девушки. Она взглянула на Лену.

– Хорошо, пиши сценарий, как ты хочешь!

Учительница снова оглядела своих учеников и напомнила:

– Не забывайте, конкурс состоится в следующую среду. – И она вышла из кабинета, закрыв за собой дверь.

2

Многим может показаться странным, что у подростка вместо музыки в наушниках сейчас была воспроизведена аудиокнига Мураками «К югу от границы, на запад от солнца», но для Олега это были привычные выходные дни после тяжёлой учебной недели; таким образом он отдыхал по субботам, приходя из бассейна, а в воскресенье, так как бассейн не работал, просто гулял по городу или сидел дома.

Мобильник, лежащий на подушке, затрезвонил громкой мелодией.

– Лена? Привет!

– Да, это я, привет! Звоню поблагодарить тебя за то, что вступился за меня вчера! – произнёс приятный, чистый девичий голосок.

– Да брось!

– Понимаешь, я привыкла к своему классу и учителям. А после этого переезда как-то побаивалась идти в новую школу. Но вчера поняла, что на тебя можно положиться.

– Спасибо! Зря боялась, у нас класс хоть и громкий, взбалмошный, но дружный! Кстати, как твоё творчество поживает? Получается что-нибудь? – сменил тему парень.

– Хорошо, что спросил, а то я совсем забыла, зачем звонила: сценарий к номеру уже написан!

– Молодец! Оперативно работаешь, подруга!

– Спасибо! Писала на одном дыхании. Вчера после занятий уселась за тетрадку и начала строчить, а сегодня переписала всё в ноутбук – всё равно выходной. Вот только мне показалось, что наша классная меня невзлюбила.

– Не переживай! Всё нормально. Анна Викторовна на самом деле добрая; ты же знаешь, что она преподаёт русский язык и литературу, а помимо этого ведёт курсы творческой самодеятельности. Заиклилась на своей классике! Я ничего не имею против Толстого, Достоевского, Гоголя... но мы-то с тобой отлично понимаем, что ребятам будет интересно наблюдать что-то молодёжное; что-то, что не заставит их заснуть.

– Может, ты и прав... Слушай, Олег, давай встретимся сегодня на «Топольке»? Знаешь же, где находится? Прочтёшь сценарий, поделишься мнением, – предложила девушка.

– Конечно, знаю. Он в моём дворе. А ты где живёшь?

– Мы переехали в дом напротив твоего двора.

– Отлично! Тогда через полчаса подходи к «Топольку», я буду тебя ждать.

– Хорошо. До встречи!

– До встречи!

«Тополёк» представлял собой агитплощадку.

– Привет ещё раз! – В правой руке Лена держала синюю папку.

– Привет-привет! Смотрю, ты основательно подготовилась.

– Точно! – Девушка запустила тонкие пальчики левой руки в свои красно-рыжие локоны. – Может, пойдём под крышу? – Она подняла голову, взглянув на пасмурное майское небо. – Не исключено, что начнётся дождь.

– Пойдём. Можно взглянуть? – Олег протянул руку к папке со сценарием.

– Конечно, бери. Могу я спросить у тебя кое-что?

Они уселись на край сцены, свесив ноги.

– Да, валяй.

– Это из-за фамилии тебя все Ситцем зовут?

– Точно. – Олег вытащил листы из файлов. – ««Сырой октябрь», автор – Елена Саннич», – прочёл он. Водя указательным пальцем по поверхности листов, парень погружался в сценарий.

Девушка нетерпеливо ожидала отзыва первого читателя. Она еле сдерживалась, чтобы не сбить парня с толку. Внимание Олега к её детищу было ей приятно.

Олег дочитал последнюю строчку, вставил листы в файлы и обратил внимание на Лену.

– Слушай, а ты не думала, что это что-то вроде неплохой мини-пьесы?

– Честно говоря, я даже не знаю, к какому жанру отнести этот текст... – скромно улыбнулась девушка.

– Да-да, точно! Это пьеса! – воскликнул парень. – Ну... или что-то вроде неё... Мы проходили в начале года достаточно пьес. «Грозу» Островского, к примеру. Так вот это... – парень поднял с колен папку, – намного интереснее! Очень похоже с моим настроением, восприятием окружающего мира...

– Приятно! Спасибо, Олег. Не против выступить вместе со мной?

– Я? Конечно, нет! Обеими руками – за! Мне понравился главный герой – Антон. Хороший сюжет! И название необычное.

– Отлично! Нам только нужно привыкнуть к сценическим именам.

– Не переживай, справимся! – подмигнул Олег. – Жаль только, я не одет, как этот Антон. Да и шляпы у меня нет.

– Ничего страшного, давай представим, что уже одеты, как главные герои. В понедельник с нарядами будет легче. В актовом зале какой-никакой реквизит, думаю, найдётся.

– Только спустимся вниз: как видишь, на сцене скамей нет. Так что придётся тебе сесть на одну из этих. – Олег указал на скамьи, стоящие внизу.

– Да без проблем. – Лена направилась к деревянной лестнице.

– А книжка, книжка у тебя с собой, или ты не брала? – поинтересовался парень у неё за спиной.

– Как это не брала? – девушка спустилась на разрисованный мелом асфальт. Она достала из кармана джинс флипбук. Подняла над головой, чтобы парень увидел. Это был роман Сэлинджера: «Над пропастью во ржи».

Олег спустился вслед за Леной.

– А слова? Ты их помнишь?

– Глупый! – расхохоталась девушка, – Это же я автор слов, конечно, помню! – сказала она сквозь смех.

Лена сидела на скамейке, сложив ногу на ногу; открыла книжку и притворилась, будто действительно увлечена сюжетом романа.

По сценарию, герой Олега – Антон – должен был, проходя мимо, обратить внимание на героиню Лены – Елизавету и пригласить её на танец, но как только он подошёл к девушке, сбился на первой же фразе, изменившись в лице. Даже лист с репликами не помог. Внутри него появлялась лёгкая дрожь, плавно переходящая в жар.

– Олег, что с тобой? – спросила Лена.

– Просто... не ожидал, что будет так неловко.
– Неловко? Но почему? – недоумевала девушка.
– Я... это... – Олег почесал затылок свободной рукой. – Видимо, публики боюсь...
– Мы же сейчас совсем одни. Только ты и я.
– Знаю. – Парень присел рядом, – но как представляю, что придётся в среду выступать перед всей школой, аж жуть берёт! – Он невольно передёрнул плечами.
– Странно, ты же так рвался репетировать...
– Да сам не понимаю с чего это вдруг. Наверное, потому, что я ни разу нигде не выступал, – предположил парень.
– Попробуем снова? – предложила Лена.
– Ну хорошо... – поразмыслив, ответил Олег.
Но и вторая попытка потерпела фиаско: появилась та же фобия перед сценой.
– Что? Всё равно страшно?
Сквозь смех Олег сказал:
– Ну не могу, никак не могу перебороть это чувство! Когда прочёл сценарий, был уверен, что справлюсь, а сейчас... – Он нахмурился.
– Придумала: чтобы тебе было легче справиться со своей фобией, я сяду на лестницу, а ты постарайся сделать всё по сценарию. Думаю, так ты перестанешь думать о публике. Если и это не поможет, то оставим всё до понедельника, ладно?
– Договорились!
Девушка прошествовала к лестнице, села на ступеньку и раскрыла книжку, закинув ногу на ногу.
– Начинаем? – уточнил Олег, отойдя на несколько шагов назад.
– Да. Я готова!
Олег двинулся вперёд. Проходя мимо, он обратил внимание на девушку:
Антон: Извини, что отвлекаю...
Елизавета (*оторвавшись от чтения*). Что-что, прости?
Антон (*протягивая руку*): Я говорю: извини, что отвлекаю, не мог пройти мимо такой девушки. Могу я узнать твоё имя?
Елизавета (*кладя ладонь в его руку*): Елизавета.
Антон. Очень приятно, а меня – Антон.

Антон потянул девушку на себя. Елизавета поднялась с места. Роман остался на лестнице.

Олег остановился.
– Ты чего опять? Всё же хорошо шло, – сказала Лена.
– Дело в том, что я совсем забыл...
– Что забыл?
– Что не умею танцевать, – ответил Олег.
– Вот это уже сложнее... – расстроилась девушка. – Тогда оставим до понедельника!
– Думаешь? – Олег отпустил ладонь девушки и убрал руку с её талии.
– Уже стемнело, нужно по домам расходиться!
– Тогда я тебя провожу!
– Не обязательно – знаешь ведь, что живу через дорогу.
– Ну и что? – Олег нагнулся к ступеньке за книжкой. – Держи!
Ребята и не заметили, что пока сидели на «Топольке», снаружи стемнело. Они вышли под открытое небо. Лена подняла голову.
– Посмотри сколько звёзд! – сказала она.
– Да уж, очень красиво! – подтвердил Олег, взглянув вверх.
– Их тысячи. Сотни тысяч. Они совсем как люди: каждая по-своему индивидуальна, но в то же время их всех что-то связывает между собой.

- Красиво сказано! Можно, я это запишу?
- Да, конечно. Я не против, – улыбнулась девушка.

На улице заметно похолодало. Огни фонарей зажглись жёлтым светом.

– Пошли быстрее! Не хватало ещё, чтоб мы заболели. – Олег взял Лену за руку, и они побежали к её дому.

4

Олег знал, что класс редко отличался активностью в каких-либо мероприятиях. Но в отличие от многих ему было вовсе не безразлично, во что выльется их выступление в среду (если вообще кто-то изъявит желание перебороть своё равнодушие и согласится побыть перед публикой хотя бы десять минут).

В воскресенье ему было нечем заняться. То есть совсем, потому что на выходные ничего не задавали, а слова своего героя он уже выучил. По телефону Олег позвал Лену прогуляться и решил отдать сценарий. Но девушка извинилась и сказала, что уже занята: уехала с родителями за город, к родственникам, а сценарий может подождать до понедельника. Поэтому, не теряя времени впустую, он обзвонил всех своих одноклассников. В результате большинство, как он и предполагал, либо находило слишком уж сомнительные оправдания, типа: «Я уже запланировал/а встречу», либо напрямую заявляло о нежелании тратить своё «драгоценное» время.

В конце концов, из двадцати семи человек, не считая Олега и Лены, идею разделили всего шесть – четыре парня и две девушки. Это совсем не расстроило Олега. Наоборот, его вполне устраивал подобный расклад.

В понедельник после занятий Лена взяла на вахте ключ от актового зала, встретила Олега в коридоре.

- Остальные ещё не пришли? – спросила она.
- Они должны скоро подойти.

Лена открыла дверь, они зашли в пустующий зал. Он был просторным, светлым и уже украшен для концерта. Его окна выходили на спортивную площадку.

Олег обнаружил за занавесом много коробок с реквизитом. Необходимый плащ и головной убор также оказались здесь. Парень переоделся. Лена же решила не наряжаться на репетиции.

– Хотел ещё в субботу спросить: ты её хоть читала? О чём она? И интересная ли вообще? – поинтересовался парень, когда увидел в руке девушки книжку.

– Эта? – Лена потрясла книжкой в воздухе. – Конечно, интересная! Это роман о парне на год старше нас. С ним на Рождество приключилась сумасшедшая история. Он не желает раскрывать перед читателем свою биографию в подробностях, и особенно – рассказывать о родителях, которые не любят выносить на публику свои проблемы. У этого главного героя, кстати, есть родной брат, живущий в Голливуде, рядом с санаторием, в котором он находится.

– А ты уже её прочла? – Олег взял книжку, взглянул на пёструю цветную обложку, пролистал страницы.

– Да. Я уже пару раз её прочитала от корки до корки! Лично мне по душе подобная литература. Здесь написано, что это единственный роман этого автора.

- Можешь дать почитать после репетиции?

Девушка кивнула. Парень вернул книжку владелице.

За спинами ребят скрипнула дверь. Первым в зал вошёл Игорь с ноутбуком в руках и рюкзаком за спиной. Вслед за ним появился Матвей с наушником в ухе (второй свисал с воротника его футболки). Ещё через некоторое время подтянулись Мишка с Женей, подгоняющие Юлю с Лерой.

- О, уже здесь, голубки? – усмехнулся Игорь. Он поставил ноутбук на стол у коробки сцены.

Олег поднялся с места.

- Какие мы тебе ещё голубки, а? – возмутился он.
- Эй-эй-эй, не ругаемся! – повысил тон Женя.

– А ты, Игорь, следи за словами, либо вообще молчи, если язык без костей! – покрутил у виска Мишка.

– Да ладно, ладно, Ситец, не заводись ты так. Я пошутил, прикололся просто, вот и всё! Тебе не кажется, что нужно быть немного проще?

– Нет, не кажется, друг! Ты должен понимать, что это может быть неприятно!

– Так, парни, может, как-нибудь потом решите свои проблемы? Мы пришли сюда номер репетировать или как? – встрял Матвей, скинув рюкзак на крайний стул третьего ряда.

– Никаких проблем, просто постоянно несёт всякую чушь! – заявил Олег и направился к выходу.

– Куда это он? – спросила Лена, поднявшись со стула.

– Всё в полном порядке! Остынет – вернётся. – Игорь уткнулся в монитор ноутбука.

– Лен, не волнуйся. У них это частенько бывает, помирятся. Ситец сказал, если возникнут вопросы по тексту, то ты объяснишь.

– Конечно, что у тебя за вопрос? – Девушка открыла папку.

– У меня всего один: откуда мне начинать читать?

– Всё просто! Смотри, тебе нужно будет читать только слова автора. Вот здесь, здесь и здесь...

– О'кей, спасибо! – кивнул Матвей.

Мишка общался с Игорем, а Женя наблюдал, как Игорь настраивал в ноутбуке необходимую программу. Юля и Лера поднялись на сцену.

Лера повернулась к пустующему зрительному залу.

– ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДРУЗЬЯ! – как можно громче сказала она. Её слова эхом пронеслись по залу.

– Ты – звезда! – прочла Юля, поправляя очки. Она стояла спиной к остальным ребятам.

– Ну где там Ситец? Наверное, нужно уже начинать? – спросил Игорь, настроив технику.

– Успеем! – сказал Олег, вернувшись в зал. Он нёс скамейку, выкрашенную в голубой цвет.

– Ты... это... где скамейку-то успел свистнуть? – поинтересовался Матвей.

– В спортзале. Алексей Юрьевич не успел уйти, вот я и попросил до среды. – Олег поставил скамейку на сцену.

– Говорил же: остынет – вернётся, – сказал Игорь.

К компании девушек и Олега присоединилась Лена.

– Садись, – предложил парень.

– Спасибо! – девушка опустила голову в знак благодарности.

Юля и Лера отошли за правый занавес, а Мишка с Женей стояли за левым.

– Ребят, давайте я читать за занавесом сегодня не буду, лучше отсюда, о'кей? – Матвей взял со стола микрофон и сел позади Игоря.

– Без проблем! – сказала Лена.

Игорь включил эффект шума ветра.

Матвей начал читать:

Осенний день. Октябрь. Елизавета проводит своё свободное время, сидя в городском парке, читает любимый роман. Мимо проходит привлекательный юноша в чёрном плаще и коричневой шляпе с зонтом в левой руке.

Антон. Извини, что отвлекаю...

Елизавета (оторвавшись от чтения): Что-что, прости?

Антон (протягивая руку): Я говорю: извини, что отвлекаю, не мог пройти мимо такой девушки. Могу я узнать твоё имя?

Елизавета (кладя ладонь в его руку): Елизавета.

Антон. Очень приятно, а я Антон.

*Антон потянул девушку на себя. Елизавета поднялась с места. Роман остался на скамейке.
Парень закружил девушку в танце.*

Олег старался не испортить начавшийся танец. Он чувствовал себя неловко. Сердце учащённо забилося. Ему стало жарко. В глазах потемнело. Несмотря на это, он пытался осуществить всё с первой попытки, понимая, что со стороны выглядит своеобразно. Ему было всё равно, главное – девушка, ладонь которой он сейчас сжимал в своей, улыбалась.

Олег следовал голосу собственного сердца, а, значит, шёл самым верным путём.

Из-за кулис вышли Женя, Юля и Мишка с Лерой.

Матвей продолжал зачитывать:

Прохожие горожане не оставили без внимания танцующую юную пару. Они тоже начали танцевать.

Танец продолжался две минуты.

По истечении этого времени Игорь сменил щебетание птиц на эффект начавшегося проливного дождя; усилил шум ветра, прибавив эффект громкости.

Начался проливной дождь, отдающий незабываемым запахом осени. Прохожие покинули Елизавету и Антона.

Чтобы девушка не промокла насквозь и не простудилась, юноша раскрыл зонт.

После репетиции в зале остались лишь Олег, Лена и Матвей. Остальные разошлись по домам.

– По-моему, сегодня мы классно отрепетировали.

– Да, но вот с танцем... думаю, над ним стоит ещё поработать! – сказал Олег.

– Ну, не знаю... – Матвей накинул на плечо рюкзак. – Мне показалось, что в целом всё прошло удачно. Но вам в любом случае видней! Вы идёте домой?

– Мы ещё посидим. До завтра, Матвей! – Олег пожал его руку.

– Пока, Матвей, спасибо, что помог!

Ребята сидели на первом ряду зрительного зала ещё пятнадцать минут.

– Я заметила, что тебе легче на сцене, правда?

Олег кивнул.

– Да. Дело в том, что я с детства люблю театр и всегда думал, что за занавесом кроется какая-то тайна, которую знают лишь его работники. Всегда мечтал сыграть роль. Любую. – Парень сложил руки на колени. – Но, я думаю, не это главное...

– Правда? А что же главное?

– Наверное, то, что ты была рядом... Может быть, это и глупо, но больше, чем выступление перед публикой, меня пугало то, что я плохо сыграю перед тобой.

– Мне ещё никто такого не говорил, – улыбнулась девушка.

– Нужно как следует постараться в среду.

Лена и Олег отправились к выходу.

– Лена, стой, – послышался женский голос.

Ребята взглянули на женщину, поднимающуюся с последнего ряда.

– Анна Викторовна? Но откуда вы здесь?

– Я сидела здесь с середины репетиции, наблюдала за вами.

– Да? Мы и не заметили, что вы зашли в зал.

– Ничего страшного! Я специально вошла как можно тише. Хотела взглянуть на репетицию. Мне очень понравилось! Леночка, извини меня, пожалуйста, что я была против твоей идеи! Сейчас, посмотрев номер в действии, я поняла, что была не права!

Классный руководитель обратил внимание на Олега.

– Олег, а тебе я хотела бы сказать спасибо.

– Спасибо?! Но за что?! – изумился Олег.

– Благодаря тебе я поняла, что и без классики можно создать что-то действительно стоящее!

5

В среду все занятия в школе отменили. Концерт был запланирован на два часа дня. Так как ни в понедельник, ни во вторник во время репетиций Олегу не удалось найти среди реквизита цветок для номера, прямо перед началом концерта он забежал в цветочный магазин, купил одну розу. Её сорт назывался: «африканская». Эти розы невозможно спутать с обычными, они бросаются в глаза: оранжево-жёлтые. Наверняка многие из девушек, женщин, мам и бабушек получали от своих любимых и родных такие в качестве комплимента или в подарок на какой-нибудь праздник.

Когда парень вошёл в школьный коридор, настенные часы показывали 2.15.

«Нужно торопиться», – подумал он и направился на второй этаж.

Актный зал постепенно наполнялся преподавателями, школьниками, их родителями, а также родными тех ребят, которым предстояло показать свои таланты перед внушительной аудиторией и представителями жюри.

Оказавшись в коридоре, расположенном за кулисами, Олег встретил вышедшую из женской комнаты Лену, которая уже переделалась и ждала начала номера. Он убрал цветок за спину. Вслед за девушкой вышли Юля и Лера.

– Привет, отлично выглядите! – отметил парень.

– Спасибо! – в один голос ответили они и прошли к выходу.

На Лене, как и на девчонках, была бежевая блузка и чёрная юбка.

– Привет, Олег! Мы тебя уже заждались! Давно должны были быть на сцене. Ты куда пропал? Пришлось даже перенести нашу очередь, теперь выступаем последними.

– Привет! Классно выглядишь! Было неотложное дело... сейчас переоденусь. Ты не видела парней?

– Спасибо! Видела. Они все в мужской комнате. А что это там у тебя?

– Где?..

– За спиной.

– А-а, это... Да ничего особенного... не обращай внимания, – сказал он.

Дверь в коридор открыла Анна Викторовна.

– Олег, ты пришёл? – кивнула она.

– Здравствуйте!

– Поторопись, тебе нужно переодеться!

– Хорошо, Анна Викторовна.

Учительница закрыла дверь.

– Ты какой-то странный сегодня, – сказала Лена, взглянув на спрятанную руку парня.

– Это, наверное, из-за волнения перед выступлением, – предположил он.

Лена скрылась за дверью.

«Фу-у, вроде бы пронесло», – подумал Олег.

Парни общались в мужской комнате. Олег извинился перед всеми и переоделся. Он был готов к выступлению, но мандраж то и дело присутствовал. Дверь приоткрылась. Из-за неё выглянули девушки:

– Мальчики, хватит болтать! Через несколько минут наша очередь, так что приготовьтесь.

Юных артистов пригласили на сцену, объявили название номера: «Сырой октябрь». Матвей остался за занавесом с синей папкой в руках, пожелал друзьям удачи. Игорь спустился к столу с ноутбуком и колонками, приготовил необходимые звуковые эффекты и был готов приступить к работе. Лена села на скамейку, стоявшую на сцене, открыла книжку. Когда Олег выглянул из-за занавеса, в глазах у него потемнело от волнения. Но совсем скоро он взял себя в руки и вышел к зрителям.

Матвей начал читать:

Осенний день. Октябрь. Елизавета проводит своё свободное время, сидя в городском парке, читает любимый роман. Мимо проходит привлекательный юноша в чёрном плаще и коричневой шляпе с зонтом в левой руке.

Антон: Извини, что отвлекаю...

Елизавета (оторвавшись от чтения): Что-что, прости?

Антон (протягивая девушке цветок): Я говорю: извини, что отвлекаю, не мог пройти мимо такой девушки. Могу я узнать твоё имя?

Елизавета (принимая цветок): Елизавета.

Антон. Очень приятно, а я – Антон.

Антон потянул девушку на себя. Елизавета поднялась с места. Роман остался на скамейке. Парень закружил девушку в танце.

Из-за кулис вышли Жень, Юля и Мишка с Лерой.

Прохожие горожане не оставили без внимания, танцующую юную пару. Они присоседились и тоже начали танцевать.

Олег почувствовал, как ноги его затряслись, волнение не покидало его. Он смотрел исключительно в глаза Лены. В них он находил успокоение. Сердце билось не так часто, как раньше. Теперь парень был способен контролировать свой страх, даже больше – он мог одержать над ним верх.

Шум ветра усилился, начался проливной дождь.

Матвей продолжал читать:

Начался проливной дождь, отдающий незабываемым запахом осени. Прохожие покинули Елизавету и Антона.

Чтобы девушка не промокла насквозь и не простудилась, юноша раскрыл зонт.

Антон: Лиза, могу я тебя проводить до дома? Не хочу, чтобы ты промокла под дождём.

Елизавета: Да. Я совсем не против. Расскажешь о себе? Я тут недалеко живу.

Антон: Конечно, расскажу! Что тебя интересует?

Елизавета: Ну, например, откуда ты такой нарядный?

Антон: Хорошо. Я всё тебе сейчас подробно расскажу! Дело в том, что я очень люблю всё новое. Стоя в примерочной, я решил пойти домой в обновках, поэтому сразу надел на себя плащ и шляпу. (Снимает шляпу и надевает на новую знакомую). А дальше ты знаешь: я встретил тебя и считаю, что это лучшее, что могло случиться со мной сегодня. Благодарю за танец!

Елизавета: Не стоит. Мне это даже понравилось! Это тебе спасибо, Антон, что не оставил девушку под дождём и провожаешь её до дома.

В конце номера все участники поклонились. На глаза Олега навернулись слёзы счастья. Он был словно окрылён, благодарен Лене за то, что позвала его в номер и помогла преодолеть боязнь сцены. Сейчас он улыбался, глядя на жюри и зрителей, аплодировавших им всем.

Кома

Дверь в комнату открылась.

– Аркаш, почему ты ушёл из-за стола? – поинтересовалась Кристина. – Гости просят, чтобы ты скорее вернулся к ним.

– Кристина, подойди, пожалуйста, мне нужно тебе кое-что рассказать, – попросил я.

Когда супруга подошла и увидела меня, сидящего в кресле, держащего в руках рамку с фотографией, она присела на край подлокотника, приобняла меня левой рукой, а правую держала на своём округлившемся животе. Она была на седьмом месяце беременности.

– Что ты хотел мне рассказать? Что это за фотография? Кто эти люди? – Кристина была взволнована.

– Я никогда не рассказывал тебе этого, но до того как мы встретились с тобой, у меня была семья: жена Ирина и сын Мирослав.

– Семья? – недоумевала Кристина.

– Да. Ирину я потерял пятнадцать лет назад, она умерла во время родов. У нас родился мальчик, и я назвал его Мирославом. Так хотела Ирина. После свадьбы она часто мечтала назвать сына этим именем, а если появится дочь, то её непременно назовёт Надеждой. Нам обоим нравились эти имена.

– Аркаш, но я чувствую, что не только это ты хочешь мне рассказать, – проницательно взглянула на меня Кристина.

– Да, ты права, милая! – Я перевёл взгляд в окно. Из него открывался прекрасный вид на наш задний двор. – Видишь эту яблоню?

– Вижу. – Она тоже взглянула в окно.

– Между ней и Мирославом есть огромная связь. Когда я узнал, что у нас с Ириной родится сын, я решил посадить яблоню. – Я поставил фотографию на прикроватный столик. – Так вот, вместе с этим деревом рос и мой сын. С шести лет этот мальчуган помогал мне по хозяйству: носил воду из колодца, убирался по дому, а когда приходило время для урожая, он первым бежал к яблоне, крича во весь голос: ПАПА-ПАПА, ЯБЛОКИ, ЯБЛОКИ ПОСПЕЛИ!!!

Обычно мы набирали по четыре, а то и по все семь вёдер сочных зелёных яблок. Приносили и с удовольствием ели. Иногда я варил из них варенье для пирогов и булочек.

Мирослав вырослел не по годам и становился самостоятельным. С двенадцати лет он реже появлялся дома и куда чаще на улице. Я его понимал: прогулки, друзья. Но о домашних обязанностях он старался не забывать.

Учебный год закончился, пришла пора летних каникул. Время от времени Мирослав отдыхал с друзьями на нашем заднем дворе: они шутили, общались, забывали о времени, играя на губной гармошке. Когда пришло время урожая, сын не спрашивал и тащил вёдра к яблоне; отказывался, когда друзья вызывались помочь. Считал, что они должны отдыхать, находясь в гостях. Он собрал без малого пять вёдер. Яблоки оставались лишь на верхушке. Не думая, что может оступиться, он полез на самый верх. Он часто лазал по яблоне, думал, что и в этот раз всё выйдет в пару рывков.

– Что же случилось? Он всё-таки упал, да?

Я кивнул.

– Один из мальчишек забежал в коридор нашего дома с криком, что Мирослав не удержался. Я, не думая, выбежал во двор. У яблони сгрудились мальчишки. Они стояли с опущенными головами, молчали и смотрели на Мирослава. Мне удалось прорваться сквозь них и увидеть бездыханное тело своего мальчика... – Я рассказывал об этом и чувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы. – Когда я попросил всех расходиться по домам, никто словно не слышал меня. Они ещё долго стояли рядом, но, когда мне снова пришлось попросить их уйти, ребята убежали.

Сев на колени у тела Мирослава, я долго плакал, держа его за руку. В один миг, словно по щелчку выключателя, свет внутри меня потух. Окружающее потеряло свой привычный окрас. Мне самому не хотелось существовать на этом свете, потому что смысл жизни я потерял вместе с человеком, в котором он заключался.

– Любимый, всё будет хорошо, я рядом! – сказала Кристина в надежде меня успокоить.

– А через год после несчастья, на тринадцатый день рождения Мирослава, я вышел во двор собирать яблоки, сел отдохнуть под сенью дерева и увидел одно ярко-красное яблоко – единственное за всё время. Я решил попробовать его. В глазах внезапно потускнело, пасмурное небо окрасилось чёрным. Несколько секунд было темно. А после, я оказался у дома и смотрел на

эту самую яблоню, под её сенью заметил сидящего парнишку, сначала я не сразу его разглядел. Но немного погодя, подойдя ближе, я узнал в мальчишке Мирослава. Всё вокруг было чёрно-белым, как в старом фильме, и только мальчишка, словно светлячок ночью, горел голубым огоньком. Он сидел, прижав голову к коленям. Я попытался его окликнуть.

– Сынок? – спросил я.

Это был он.

– Привет, папа! Я знал, что ты придёшь. – Он встал и, подойдя, обнял меня.

– Что? Но как? Я что, умер?

– Нет. Ты в коме. Я хотел встретиться с тобой. Я знаю, ты думаешь, что ты виноват в моей смерти, но это не так. Ты не виноват в том, что я упал тогда, так должно было случиться. Я привёл тебя сюда, чтобы попросить не мучить себя. Ты хороший человек и достоин семьи. Ты не должен оставаться один, папа.

– Но как? Вы с мамой – единственное, что было в моей жизни.

– Мы знаем, дорогой!

– Ирина? – Увидев её, я чуть не упал на землю. Мне было не по себе. Она появилась словно из неоткуда. Она тоже светила, но не голубым, а оранжевым огоньком.

– Да, любимый. Ты тоже был для нас единственным и незаменимым, но так устроена жизнь: люди уходят, и им на смену должны прийти другие. Я ни дня не пожалела, что состояла с тобой в браке! Ты отличный муж! – отметила Ирина

– И классный отец! – добавил Мирослав. – Я всегда старался быть похожим на тебя! Всё, что ты дал мне в жизни, бесценно!

– Мы хотим сказать, что в смерти нет ничего страшного! Это лишь переход в иную фазу существования. Ты должен обрести радость, а именно – найти женщину, которая подарит тебе возможность испытать счастье: воспитать детей, вырастить внуков и передать им частичку своей души.

– А почему вы светитесь, словно светлячки?

– Когда Божьи существа переходят за линию смерти, каждый получает свой цвет свечения. Это определяет состояние человека: дети загораются голубым; взрослые, как мы с тобой, – оранжевым, а пожилые – белым, – объяснила Ирина.

– Папа, мы не сможем говорить слишком долго. Скоро тебе придётся вернуться обратно. Ты можешь присесть на колени? Я хочу сказать тебе несколько слов.

– Конечно, сынок. – Я сел на колени, стал на одном уровне с моим сынишкой. Взглянул ему в глаза.

– Папочка, давай обнимемся? – предложил он.

– Давай, богатырь. – Я развёл руки в стороны. Мирослав сделал ко мне два шага и прижался.

Спустя некоторое время, он поднял голову с моего плеча, снова взглянул мне в глаза и поцеловал меня в лоб. Ровно три раза.

– Теперь ты не будешь один!

К нам подошла Ирина. Я встал с колен, взял в руку ладонь сына.

– Тебе пора возвращаться, милый! Мы были рады увидеть тебя снова. Знай, что мы всегда будем здесь, в твоём сердце. – Ирина приложила светящуюся руку к моей груди.

– Папа! – позвал меня Мирослав.

– Да, сынок? – я опустил голову, взглянув на сынишку.

– Мы тебя любим!

– И я вас тоже.

Темнота. А после – яркий свет. Я снова сидел под сенью яблони и чувствовал себя бодрым. В руке – то же ярко-красное яблоко. Мне хотелось вернуться обратно, я думал, что яблоко вновь перенесёт меня к родным, но это оказалось наивным предположением: когда я откусил яблоко снова, ничего не произошло.

– Что было дальше? – поинтересовалась Кристина.

– Ничего. Я просто вернулся домой, забрав с собой полтора ведра яблок, которые мне удалось собрать. Чтобы хоть как-то отойти, я попытался уснуть.

- Теперь мне стало ясно, почему ты и в прошлом году уходил из-за стола, сидел здесь и держал эту рамку с фотографией.
- Я должен быть благодарен тому случаю: может, без него, я бы и не встретил тебя.
- Наверное, ты прав. И мы бы не ждали сейчас малыша. Сегодня твои тридцать пятые именины. Ты должен вернуться обратно, в компанию друзей. Они уже заждались.
- Всё правильно, пойдём к столу.

Трипофобия

– Марта Гринёва, пожалуйста, пройдите в кабинет номер четыре, – объявил женский голос диспетчера в громкоговоритель.

Марта поднялась с мягкого кофейного дивана, кидая взгляд от одного пациента к другому. Она направилась вправо по коридору, покинув приёмную.

– Первый... – тихим голосом произнесла она. – Второй... – глядя на противоположную дверь, повторила девушка всё тем же голосом. – Третий... Четвёртый.

Он находился в самом конце недлинного коридора, пол которого был выложен чёрной плиткой, отражавшей яркий свет ламп.

Поправив левый рукав, Марта постучалась.

– Да-да, открыто! Можете входить! – послышался голос за дверью.

Девушка опустила ручку, потянула на себя и вошла в кабинет.

– Здравствуйте! Можно?

– Конечно, проходи! Ты – Марта Гринёва?

– Да, это я!

– Не стесняйся, присаживайся. – Женщина за столом у большого стенного шкафа указала взглядом на синий диван, рядом с которым стоял стеклянный столик. На столике был маленький фарфоровый чайник и две чашки на блюдцах.

Девушка откинулась на спинку дивана, расслабиться получилось без особого труда. Диваны этой больницы поистине удобны, они будто созданы для пациентов (на самом деле так и было).

– Меня зовут Антонина Алексеевна. – Женщина с распущенными иссиня-чёрными волосами, одетая в свитер и джинсы, поднялась из-за стола; взяла стул и направилась к Марте, захватив ежедневник с вложенной в него шариковой ручкой. – Марта, по телефону твоя мама сказала, что ты сама решила обратиться к специалисту. Это действительно так? – уточнила психолог, закинув ногу на ногу. – Обычно люди стесняются и не очень-то хотят посещать сеансы врачей моего профиля.

– Да, на самом деле я решила прийти к вам, потому что устала! – призналась белокурая девушка.

– От чего?

– Всё началось после моего похода к дерматологу. Мне внезапно стали противны картина, висящая в зале; душ в ванной комнате, а вчера утром, когда я увидела рисунок своего одноклассника, закружилась голова, после чего меня вырвало прямо в столовой.

– И что же было в этом рисунке?

– Ничего необычного – пчелиные соты...

– А что на картине дома?

– Семена Лотоса. Во всех этих вещах мне были противны отверстия – нет, точнее, большое количество этих отверстий, – объяснила Марта. – А ещё из-за всего этого моим родителям приходится набирать мне ванну и закрывать душ плотной тряпкой, потому что я не могу на него спокойно смотреть.

Психолог сделала очередную запись в ежедневнике и вернулась к пациентке.

– Ты говорила про посещение дерматолога. У тебя проблемы с кожей? Так сразу и не скажешь, ведь запястья и лицо абсолютно чистые.

– Смотрите! – Девушка приспустила воротник бирюзового джемпера, потом закатила рукава. Шея и предплечья были осыпаны множеством розоватых пятен.

– Какая странная сыпь... – задумчиво произнесла женщина.

– Я сначала думала, что у меня аллергическая реакция на что-то из пищи, но врач успокоил меня, он сказал, что это возрастное и что сыпь очень скоро пройдет. Выписал пару лекарств и освобождение от занятий на время его приёма, – рассказала Марта, не смотря на руки, чтобы не закружилась голова.

– Так, я предлагаю провести один эксперимент, – сказала Антонина Алексеевна.

– Эксперимент? Что ещё за эксперимент? – спросила Марта.

– Всё предельно просто: сейчас я достану из шкафа несколько карточек с изображениями, а дальше объясню, что нужно делать. Думаю, после этого эксперимента мне будет более или менее ясна твоя проблема.

– Хорошо. Давайте попробуем. – Марта опустила рукава, также не глядя на запястья.

Антонина Алексеевна прошла к шкафу, открыла один из его отделов, достала несколько глянцевого листов и вернулась к Марте.

– Запоминай: я буду показывать тебе изображения, а ты говори, приятно ли тебе на них смотреть или нет. Договорились?

– Договорились. – Марта сложила руки на коленях.

Антонина Алексеевна выравнивала листы, положила на столик вниз изображениями.

На первом листе были: песчаный берег, чистое изумрудное небо, гребни морских волн, вдаль – пиратский корабль с флагом, изображающим белый череп и скрещенные шпаги. На борту находились пираты, а прямо над кораблём реяли чайки.

– Итак, сосредоточься. Эта карточка вызывает у тебя страх или отвращение?

Марта вглядывалась в дула корабельной артиллерии, но ничего похожего с тем, что ей приходилось чувствовать ранее, она сейчас не ощущала.

– Нет, обычный пейзаж, – коротко ответила она.

– Хорошо. – Женщина положила первую карточку напротив стопки остальных, из которой взяла ещё одну. – А вот эта?

На второй карточке были деревья лесной чащи. В некоторых из них можно было отыскать беличьи норы.

– Тоже ничего, – пожала плечами девушка.

– Так... – Антонина Алексеевна отложила эту карточку, взяла третий лист, перевернула рисунком вверх, отчего Марта прижалась к спинке как можно сильнее, закрыв глаза. Для большей надёжности она прикрыла их ладонью.

На третьей картинке была обычная поролоновая губка, которая встречается на любой кухне.

– Уберите, уберите ее, пожалуйста...

– Ладно-ладно, Марта. Всё в порядке! – Антонина Алексеевна перевернула лист, взяла предыдущие два и убрала к остальным. Стопку карточек отодвинула в сторону. – Можешь открыть глаза. Мне ясен твой диагноз.

– Вы уверены?

– Да, открывай!

Она открыла глаза.

– Что же это? Что со мной? – переживала Марта.

– У тебя достаточно редкая проблема – трипофобия.

– Трипо... что? – недоумевала девушка.

– Трипофобия – это боязнь кластерных отверстий, то есть их скопление. Поэтому тебя стошнило от рисунка пчелиных сот. Ты не пугайся: это, конечно, редкая болезнь, всего шестнадцать процентов на всё население Земли, но и её можно вылечить! – Слова Антонины Алексеевны внушали доверие.

– Правда? И Вы сможете мне помочь? – Марта в надежде взглянула на психолога.

– На все сто процентов я, конечно, не уверена, но однажды ко мне приходил мужчина – директор собачьего приюта. Он жаловался на то же, что и ты. Я посоветовала ему одно упражнение: взять две картинки – ту, что заставляет многократно себя пересматривать, и вторую, которая вызывает отвращение.

– И что, ему помогло?

– Да. Он записался ко мне на сеанс, спустя неделю. Сказал, что мой метод ему помог. Чтобы до конца убедиться в его выздоровлении, мы повторно прошли эксперимент с карточками. Мужчина реагировал спокойно, не волновался, смотрел как на обычное изображение.

– Интересно! Я попробую, может, и правда подействует.

– Хорошо. Я была рада выслушать тебя. Жду на повторном сеансе.

– Думаю, я позвоню вам сама, поделюсь результатом.

– Договорились. При следующей нашей встрече мы проведём этот эксперимент вновь. Если он не поможет, то попробуем что-нибудь другое. Ну, а в случае хорошего результата ты сможешь больше не ходить ко мне.

– До свидания! – Марта поднялась с дивана.

– До встречи! – попрощалась Антонина Алексеевна.

В половине седьмого Марта уже была дома. Повесила куртку и убрала кеды на этажерку. В зале, где до вчерашнего дня висела картина с семенами лотоса, дочку встретила мама с каким-то женским журналом в руке. За её спиной Марта увидела включенный телевизор, по которому как всегда крутили ситкомы.

– Ну что, как сеанс у Антонины Алексеевны? Ей удалось разобраться с твоей проблемой? – поинтересовалась мама. Это была женщина с коротко стриженными волосами цвета пепла. Она была в цветном домашнем халате.

– Могло быть и лучше, – равнодушно призналась девушка.

– Что она тебе сказала? – снова спросила мама.

– Поинтересовалась, что меня беспокоит, показала несколько карточек, хотела узнать, какие реакции они у меня вызовут. В общем-то и всё.

– Дочь, ты какая-то неразговорчивая. Пойдём, выпьем кофе? Я как раз собиралась сварить.

– Нет, мам. Я лучше пойду к себе в комнату, ладно? Антонина Алексеевна сказала, что у меня какая-то фобия – точное название не помню, но что-то на букву «т».

– Фобия? – в недоумении мама замотала головой.

– Да, мам. Я боюсь смотреть на большое количество отверстий. Поэтому вам с папой приходится закрывать душ и набирать мне ванну. Она дала мне упражнение на дом. Кстати, я хотела спросить у папы, куда он вчера убрал картину из зала?

– Сегодня папа остался в ночную смену: на предприятии много работы. Он убрал её в кладовку, а что? – спросила мама.

– Думаю, она мне сегодня понадобится.

– Принести её?

– Да, я, наверно, поем у себя.

– Хорошо, иди. Сейчас занесу.

К девяти часам Марта выполнила все домашние задания, убрала в рюкзак тетрадки и учебники. Она приготовила всё необходимое: картину с лотосом и фотографию, которую случайно нашла в своём альбоме, когда искала подходящее изображение для упражнения. Фотография, сделанная в цирке, оказалась самым приятным воспоминанием детства. На ней Марта была с маленькой обезьянкой на плече.

Сначала она взяла в руки фотографию из альбома, разглядывала секунд сорок, на лице появилась лёгкая улыбка. Потом фотография отправилась обратно на стол. Девушка закрыла глаза, дотянулась до картины, взяла и медленно поднесла её ближе. Держала на расстоянии вытянутой руки.

«Ну, давай, Марта, не бойся – это всего-навсего картина! Картина, которая провисела в зале всё то время, что ты себя помнишь. У тебя получится!» – мысленно сказала девушка. Марта решила открывать глаза постепенно. Хотела узнать, будет ли картина вызывать у неё отвращение или же всё это она напридумывала и нет никакой трипофобии, обнаруженной Антониной Алексеевной.

Девушка приоткрыла глаза. Смотрела на картину, прищурившись.

«Ничего», – подумала она.

Марта решилась на свой страх и риск открыть глаза полностью. В голову ударила резкая боль, на лбу проступила испарина. Картина расплылась, и горячий, неприятный ком подступил к горлу. Девушка случайно выронила картину из вспотевших рук себе под ноги, закрыла глаза и на ощупь наткнулась на твёрдую рамку. Отложила подальше на стол.

Взяв фотографию, Марта открыла глаза, устремила уверенный взгляд на маленькую обезьянку.

Стало немного легче. Но как назло начал мучить зуд в шее, под лопатками, в предплечьях. Марта терпела до последнего, но в конце концов сдалась: взяла линейку и сквозь футболку начала водить по спине до тех пор, пока раздражение не оставило её в покое. То же самое проделала с предплечьями.

«Так намного лучше!», – подумала она и отложила линейку.

Девушка взяла фотографию с животным на плече, вновь смотрела на неё около минуты и отложила в сторону. Закрыла глаза, взяла (на ощупь) рамку с лотосом: сначала глядела, прищурившись. Изображение было расплывчатым, таким, какое обычно наблюдают взрослые или дети с нормальным зрением, когда надевают очки, взятые из футляра кого-то из родных.

Наконец, раскрыв глаза полностью, Марта услышала учащённый стук сердца в груди, отдающий глухими ударами в висках – так, как если бы барабанщик отбивал мелодию в кожаную мембрану. В очередной раз: закрытые глаза, подкатывающий ком, тряска рук и мысли о скорейшем завершении всего этого. Прошло всего полчаса. Зуд вернулся. Чтобы не обращаться за помощью к линейке, Марта встала с места, оставила рамку с лотосом и фотографию на столе. Она прошла к кровати и прилегла. Это всегда помогало ей избавиться от зуда. Благодаря мягкому пледу под спиной девушка уснула.

Марта проспала до самого утра. Она успела прийти в школу только ко второму уроку, поскольку проспала обществознание, к которому готовила речь на тему «Семья и быт». Повезло, что преподаватель – понимающий и отзывчивый человек. Светлана Андреевна разрешила Марте выступить на следующем занятии.

– Здравствуйте, можно сесть на место?

– Нужно, Гринёва! Дисциплину, девушка, нужно соблюдать!

Места в кабинете были заняты, Марта заняла единственное свободное – рядом с Денисом.

– Привет! Тебе позавчера было плохо. Из-за чего?

– Привет! Сама не понимаю, Денис, голова закружилась... а дальше ты всё сам видел... – пожалала плечами девушка. – Давай не будем об этом, хорошо?

– Понимаю. Как скажешь...

– Спасибо!

Итак, ребята, мы изучили очередную тему: «Загрязнение живой природы». На следующий урок желающие могут приготовить презентации и доклады. Это поможет вам улучшить оценку за четверть, а кому-то и за год.

– Ну уж нет! – помотал головой Денис. – У меня дома и без того много дел! – Парень подождал, пока Наталья Евгеньевна отвернётся к доске и начнёт что-нибудь писать, а потом вытащил из пакета альбомный лист с портретом красивой женщины. Из её волос выглядывала большекрылая бабочка.

– Очень красиво! А кто это? Долго рисовал? – поинтересовалась девушка.

– Это моя старшая сестра, она любит каждый вечер посидеть у окна, уйти в себя, подумать о своём. А у меня под рукой как раз оказались карандаши и несколько листов бумаги.

– А бабочка – это заколка?

– Нет. Алина никогда не носила заколок. Я просто дорисовал, так сказать: для полноты композиции, – улыбнулся парень. – Но она и не заметила, что я её рисовал. Да и рисунок ещё не закончен: чтобы портрет зажил полной жизнью, я должен добавить в него красок.

– Думаю, ей очень понравится. Не может не понравиться! Когда ты делаешь что-то для близких, им это всегда приятно!

– Мы с ней мало общаемся, но я её очень люблю!

– Всё наладится! Дорисуй, она точно не останется равнодушной.

Урок биологии пролетел так же быстро, как и черчение. Марта общалась с Денисом и уже забыла о своей проблеме с трипофобией и пятнами на руках, но к концу учебного дня вспомнила. Ей не терпелось вернуться домой – вернуться, чтобы снова заняться упражнением.

Дома спал отец, недавно вернувшийся со смены. Марта поправила одеяло, закрыла папе плечи, сходила на кухню, налила себе сока и отправилась к себе в комнату.

– Начнём? – спросила она у себя, взялась за фотографию и картину, что были убраны в нижний ящик компьютерного стола.

Проделав три попытки, Марта пришла к выводу, что метод Антонины Алексеевны неэффективен. Она держала картину с лотосом обеими руками, но не смотрела на неё. Девушка уже решила отложить картину, опустить руки, связаться с психологом и сообщить, что все попытки с упражнением провалились и, скорее всего, им придётся прийти к какому-нибудь другому методу лечения. И странно, что пятна до сих пор не прошли, хотя дерматолог уверял, что они пройдут в ближайшее время.

– Что? – сказала она, изумлённо. Её взгляд остановился на обоях (точнее, на рисунке на обоях).

На них были представлены вещи из разных времён, из разных эпох жизни человечества на планете Земля: первый в мире паровоз «Пеннидаррен» Ричарда Тривитика*, состоящий из цилиндрического котла, установленного на две оси; был здесь и портрет величайшего художника, философа и анатома Леонардо да Винчи, и представление величественного корабля «Титаник».

Изумилась Марта из-за того, что лишь благодаря этим изображениям она смогла, на удивление самой себе, контролировать дрожь и страх. Она долго смотрела на стену, потом перевела взгляд на рамку с лотосом, снова на стену, и так ещё примерно с дюжину раз.

– Доченька? – окликнула её мама.

– О! – Марта оторвалась от картины. – Мама? Ты уже вернулась?

– Да. Папа спит?

– Да, мам, – кивнула девушка.

– Я сейчас приготовлю что-нибудь. Ты будешь есть здесь или на кухне?

– На кухне, мам.

– Ну что, как твоё упражнение? Даёт какой-то результат.

– Думаю, что да. Я, правда, до конца не уверена... но не всё потеряно!

– Я рада за тебя, дорогая!

Мама убрала голову из проёма, закрыв дверь.

Марта взялась вновь разглядывать обои и картину с лотосом. Окончательно убедившись, что никакого чувства страха, раздражения и смущения она не вызывает, девушка взяла мобильник, узнала у мамы номер психолога и позвонила.

Марте пришлось подождать день, чтобы посетить Антонину Алексеевну. На среду все часы у неё были заняты, поэтому Марта пришла на приём только в четверг после учёбы. В школе на уроке обществознания ей удалось весьма неплохо выступить перед классом.

*Ричард Тривитик (13 апреля, 1771, Иллоган, Корнуэл – 22 апреля, 1833, Дартфорд, Кент) – Английский изобретатель.

Она была одна в приёмной. Держала в руках торт. Работник регистрационного стола разрешил пройти в кабинет и сказал, что Антонина Алексеевна уже ждёт.

По привычке девушка постучалась, перед тем как зайти. Услышала, что входить можно и зашла.

– Марта? Здравствуй, я как раз тебя жду! Не поверишь: за весь день помимо тебя всего три пациента!

– Здравствуйте... – коротко ответила Марта.

– Присаживайся. Я смотрю, ты это к чаю купила?

– Что? Торт? Да, это в качестве благодарности от нас с мамой.

Марта подошла к столику, поставила торт рядом с чайным сервизом и села на диван.

– Просто, я хотела сказать вам спасибо, Антонина Алексеевна. Без вашего метода ничего бы и не вышло. – Она пожала плечами.

– Да не за что – это моя работа, – ответила женщина, отодвинула торт, освободив место для карточек.

– Так ты говоришь, что вполне хорошо чувствуешь себя, когда смотришь на картину с лотосом? Я всё правильно поняла из нашего телефонного разговора?

– Правильно! – закивала Марта. – Более того, сыпь ушла, и мне кажется, дерматолог был не прав, когда сказал что это возрастное.

– Почему же? – сощурилась Антонина Алексеевна.

– Не помню, рассказывала ли я вам или нет, но боязнь всех этих вещей у меня появилась сразу после дерматолога. А сыпь – за день до его приёма.

– Рассказывала. Вполне возможно, дерматолога ошибся, мы все совершаем ошибки. Иногда и в моей практике случаются проколы. Я не слишком хороший пользователь компьютера, но дома после нашей встречи мне удалось найти больше двадцати форумов по твоей проблеме. Многие пользователи Сети делятся теми же симптомами, что и у тебя. Пятеро также заметили странные следы на коже вроде сыпи. У них у всех она появлялась до того, как они начинали сторониться кластерных отверстий, и никогда – наоборот. Те же, кто излечился, как один говорят, что сыпь прошла сразу после исчезновения у них страха изображений, губок для посуды и так далее.

– А вот мне было не до Сети. Но хорошо, что я избавилась от этой странной, неприятной фобии.

– Если это действительно так, то я искренне за тебя рада! А сейчас мы не можем быть до конца в этом уверены, пока не проверим. Готова? Я предупреждаю сразу: приготовила только те карточки, на которых присутствуют отверстия или фигурки в большом количестве. Так что настройся.

Не проронив ни слова, Марта кивнула.

Антонина Алексеевна положила стопку карточек изображениями вниз, начала показывать.

– Нет, ничего... ничего не чувствую, – сказала девушка, глядя на змею – огромного питона тёмно-зелёного окраса.

– Ты уверена? – уточнила психолог.

– Абсолютно! – Девушка кивнула. Антонина Алексеевна отложила первую карточку и, не теряя времени, взялась за следующую.

– Паук? – Марта смотрела ему прямо в глаза, но и на этот раз, карточка не вызвала никаких эмоций.

Антонина Алексеевна молчала. Она наблюдала за поведением пациентки и продолжала брать карточки из стопки.

Марта пожала плечами и сказала:

– Нет, пористый шоколад не вызывает у меня страха или чего-то подобного. Он скорее вызывает у меня чувство голода, желание съесть, что-нибудь сладенькое. – Она украдкой взглянула на кремный торт с апельсиновыми дольками сверху.

Карточка с шоколадом была последней из стопки перевёрнутых. Антонина Алексеевна собрала все карточки, положила их на край стола; сделала в своём ежедневнике короткую запись и, подняв стопку, подложила его вниз.

– Можно задать вам вопрос?

– Да, Марта.

– А что вы записали в свой ежедневник?

– Не переживай, – улыбнулась Антонина Алексеевна. – По всем признакам, ты здорова, никакой фобии за тобой я, как профессионал, не наблюдаю. Так что поздравляю! Думаю, теперь мы можем отметить твоё выздоровление. – Она налила чаю себе и Марте.

Осторожно! вход воспрещён!

Хочу поблагодарить тех мальчишек, которые бежали вместе со мной в 13-14 лет!

1

Каждому из нас отведено определённое время. Начиная с первого глотка материнского молока, заканчивая крестом, нависшим над могилой. Время – в этом коротком слове далеко не маленький смысл. Сколько недосказанных фраз? Сколько невыплаканных слёз и попыток влюбиться? Сколько обмана, лжи, искупления, сострадания, ненависти ждёт на перекрёстках мира? Никто не знает наверняка! Но это и есть жизнь – длинная дорога неизведанного. Она загадочна, жестока, но в то же время проста и приветлива, достаточно отыскать нужный указатель, а что делать дальше подскажет сердце.

Меня можно назвать счастливым: у меня есть семья, друзья, мечты, любимая девушка, если честно, мне больше ничего и не нужно! Главное, чтобы у них всё было в порядке!

Сегодня первый день мая, поэтому мои родители с самого утра отправились на ярмарку за покупками, а позже собирались к Катиным родителям. Катя – это моя девушка, она мне приглянулась в тот же миг, когда я увидел её, вошедшую посреди урока в свой новый класс. До нас она училась в параллельном восьмом «А» классе. Ушла из-за усложнённой программы. Она заметила нагрузку ещё в седьмом, но не хотела уходить, старалась успевать по учёбе, но в следующем году поняла, что это не для неё и перешла к нам, с более простой программой обучения. Мы быстро нашли общий язык и вот встречаемся уже три года. Катя живёт в доме напротив, но это я узнал лишь через неделю после нашего знакомства. Она часто приходит ко мне в гости, мы не сидим дома перед телевизором. Нет, нам куда интереснее лежать на днище лодки моего отца, держаться за руки, слушать музыку (например: «С надеждой на крылья»^{*}) и глядеть в окно крыши небольшого сарая, что мы сейчас и делали...

– Двести двадцать пятый Канюк,^{*} – указала пальцем Катя.

– Двести двадцать шестой Канюк, – продолжил я.

– Двести двадцать седьмой Канюк. – Катя сжала мою руку сильнее под покрывалом. Я это чувствовал.

– Двести двадцать дев... ой, восьмой Канюк, – протянул я голосом, сбавив тон до шёпота, когда понял, что запутался.

В самом начале, когда голубое небо окрасилось оранжевым отливом, ветерок добрался до сарая благодаря приоткрытой дверце, а птицы одна за другой пролетали над окном, Катя предложила спор. Считать Канюков.

– Всё, всё, всё, ты обещал, Серёж. Так что рассказывай историю, которая тебе кажется самой странной в твоей жизни.

– Но... это же случайность... это же не честно...

– Всё честно, был уговор. – Катя вынула наушник-каплю из уха. Второй был у меня в левом.

– Смотри, они летят и летят.

– Да, но почему их так много? Разве такое возможно?

– Не знаю, я прежде никогда не видел подобного, – я приобнял Катю, прижав к себе.

^{*}Песня, исполненная Василием Вакуленко (Баста) совместно с группой Нервы.

^{*}Канюк – наиболее многочисленная птица на Кубани.

– И куда же они летят?

– Обычно они в лесу выют гнёзда, обитают в скалистых местностях, а охотятся на открытой территории.

– Ты в этом разбираешься?

– Не то, чтобы разбираюсь. Немного увлекался зоологией. Но хоть я и родился здесь, раньше подобного видеть не доводилось.

– Стоп, стоп, стоп. Ты решил заговорить мне зубы? Ты так и не начал рассказывать свою историю... Тебе не стыдно? Мне же интересно... – Катя облокотилась на правую руку, взглянула на меня, тогда я убрал руку себе на грудь и повернулся к ней.

– Допустим, – я ухмыльнулся.

– *Допустим*, – передразнила она, сощурившись.

– Расскажу, если перестанешь повторять за мной и поцелуешь.

– Ну, на счёт передразнивать, это вряд ли, а вот поцеловать я могу.

Катя сдержала слово. Она убрала свои длинные каштановые волосы, одарив меня поцелуем, после которого я просто не мог не рассказать обещанную историю.

2

В июне 2009-ого нам было по четырнадцать. За небольшим исключением, Максим был младше нас с Витькой на год. Мы две недели как закончили седьмой класс и шатались без дела по Переяславкой.* Вышли в два часа дня, когда изнуряющее солнце своими лучами касалось наших макушек, а ветра не было и в помине. Но, несмотря на жару, пить нам не хотелось, да и карманы были пусты, чтобы купить что-то из прохладительных напитков.

Витька вместе с Максом, чтобы было не так скучно, начали срывать и бросать друг в друга репейники. Я же шёл в сторонке, наблюдая за ними, и не знал: присоединиться ли к ним или же оставаться в роли очевидца.

– Серёга, а ты чего, словно чужой, идёшь в стороне? Давай-ка с нами! – позвал меня Витька.

– Нет, нет, не хочу, парни... – отказался я, замотав головой.

– Да ладно тебе, не будь занудой. – Сказал Максим. Он кинул в меня репейником из горсти, что была в ладони.

– Эй, ты чего? – возмутился я. Сорвал репейник с футболки и выбросил в сторону. – Я же сказал, что не хочу!

– Так, я не понял ты для чего на улицу-то вышел: веселиться или ходить с недовольной физиономией? – Витька тоже запустил в меня репейник.

– Я? С недовольной физиономией?

– Ты-ты, Серый. Мы вот гуляем, не обращаем внимания на жару и ещё какие-то там пустяки. А ты идёшь молчком, за всю прогулку слов шесть-семь от силы от тебя слышали. Что это у тебя стряслось? Раньше мы такого за тобой не наблюдали.

– Ничего...

– Ну, раз ничего, то я вообще не понимаю, что ты такой угрюмый весь день, – оборвал Витя, снова пустив в меня репейником, после чего я не выдержал, добежал до ближайшего куста, оторвал несколько и начал контратаковать.

Закрывая тело руками, Витька сказал:

– Это другое дело!

– Ну, сейчас я вам покажу! – сказал я.

Под раздачу попал и Максим, который тот же час принялся помогать Витьке, он начал кидать в меня репейниками, но не все они попадали, большинство пролетало мимо. Бывало, некоторые даже не всегда долетали до меня.

– А теперь каждый сам за себя! – заявил Максим и начал кидать в нас с Витькой.

– Ну, хорошо... – поддержал я.

*Переяславская – название одной из станиц Краснодарского края.

Спустя двадцать, может двадцать пять минут мы прошли по прямой дороге никак не меньше шести улиц, которые кончались резким поворотом вправо. Вместе с улицей, песчаная дорога сменилась щебнем, а ряды из кустов репейника закончились, что говорило о конце нашей игры.

Не дойдя до поворота, мы остановились.

– Вот же блин, и чем мы займёмся теперь? – скривился Витька.

– Ничего страшного, нам некуда торопиться, можем просто поговорить о чём-нибудь.

– О чём, Серёга?

– Не знаю, мы всегда находим темы для разговора. Думаю, и в этот раз найдём, что обсудить.

– Кстати, да, – присоединился Витя, – например, как у нас Максим сходил в кино с Ульянкой.

Он по уши в неё влюблён с третьего класса.

– Да ты что? Макс, это правда? – изумился я.

– Нет, ничего подобного! – запротестовал наш друг. – Она просто мне симпатична! Вот и всё!

– завёлся Максим.

– Я и не сомневаюсь, Максим. Именно поэтому за месяц до её дня рождения ты подходил ко всем её подругам и советовался, чтобы подарить ей на тринадцатилетние? А позже, когда выслушал все возможные варианты, узнал, какой фильм она ожидает подложил на окно её комнаты коробку с приглашением в кино и двумя билетами, зная, что её родители тебя недолюбливают, да?

– Я не понимаю, к чему ты клонишь, друг?

– Я клоню это к тому, Макс, что из-за простой симпатии парни так не поступают. В нашем возрасте, вообще, мало кто из парней, заинтересован девочками. Обычно они бегают на поле, гоня мяч, как, к примеру, парни из «В» или «Г» классов или сидят за компьютерами дома. Ну, мы-то знаем, что в футболе наш шестой «Б» лучший! – сказал Витька и раскрыл ладонь. – Серёга, а ну дай пять!

– Это точно, только я поправлю: не шестой, а седьмой «Б», – мы хлопнули ладонями.

Витька имел полное право так говорить. Всё потому, что два предыдущих года он отстаивал честь школы на воротах и был весьма неплох. Команда нашего класса называлась «Солнечные львы», не знаю наверняка, почему именно так. Но Витька рассказывал, что их тренер решил назвать команду так, потому что львы были единственными животными, которые ему по-настоящему нравились. Причиной играл ещё и всем известный факт, что лев – царь зверей. Тренер не устал напоминать об этом перед очередным матчем.

Но не только успехами в футболе Витька мог похвастаться. Он вместе со мной и Максимом ходил в секцию вольной борьбы, что была открыта при школе, и здесь он был далеко не последним. Витька был такой же комплекции, что и Максим. А Макс, несмотря на свой юный возраст, рос довольно крепким парнем.

– Так, мы так и будем стоять на месте? Или всё-таки пойдём дальше?

– Пойдём-пойдём. Вот расскажешь, как вы с Ульяной сходили в кино, а потом обязательно двинемся. – Подмигнул я. – Мне же тоже интересно, не меньше Витьки. Кстати, на какой фильм они пошли, Витёк?

– «Мальчик в полосатой рубашке».

– Да перестаньте вы оба. Ничего интересного, мне просто хотелось, чтобы у неё был лучший день рождения. Я вспомнил, что она читала на одной из перемен в школе книжку Джона Бойна с тем же названием, а потом рекламу увидел, что выходит фильм. Тут у меня и появилась мысль повести её в кино на премьеру.

– Ну а что, неплохо, молоток. Ей по-любому понравилось! Я прав? – сказал я.

– Да, она была очень рада. Никогда раньше не замечал, чтобы она так часто улыбалась, – ухмыльнулся Максим.

– Если честно, я бы не решился и провернуть этот трюк с билетами, – Витя с Максимом пожали руки.

– Всё, вы довольны? Мы можем идти дальше? – Макс окинул нас немного обиженным взглядом.

– Конечно-конечно, идём. – Витька хлопнул в ладоши один раз.

Я ошибался, когда предположил, что денег у нас не было. Витька отыскал в карманах мелочь, которой хватило на банку колы каждому.

– Нет, парни, вы как хотите, а я свою банку выпью, когда мы по домам пойдём.

– Ну как хочешь. А вообще, я бы посоветовал тебе пить сейчас. Потом она будет тёплой и не вкусной. Газировку пьют холодной, – сказал мне Витька.

Я не стал с ним спорить, промолчал, зная, что лучше приберечь колу на вечер. Как я уже говорил: жара не беспокоила.

Не успели мы пройти пяти шагов, как застыли на месте. Перед нами стоял среднего размера чёрный боксёр. Его красноватый шрам на морде вселял в меня лёгкий страх. С каждым его шагом этот страх усиливался.

– Парни, что будем делать?

3

– Стой! Просто стой, Серёга! Не вздумай шевелиться, понял?

Кивнув, я ответил, запинаясь:

– Хорошо... Я пос... постараюсь, Макс...

– Хорошо бы умотать отсюда, да поскорее! – прошептал Витька, но мы его хорошо слышали. Он был немного выше меня и стоя позади, уставился на пса через моё правое плечо. Он не сводил с боксёра глаз.

– Ага, а ты попробуй живо догонит, да ещё без чего-нибудь оставит. Нельзя бежать! – сказал Максим.

– Это ещё почему? – изумлённо спросил я, чуть повернув голову влево.

– Почему-почему... Потому! Потому что у собак вырабатывается рефлекс. Они слишком восприимчивы. Папа говорил: когда человек бежит от собаки, они решают, что он их боится, и пускаются в погоню.

Боксёр остановился в нескольких метрах от нас. Он активно вилял хвостом и это даже казалось дружелюбным жестом, если не обращать внимания на злобный рык, звериный оскал и шрам почти во всю его морду

– И что же нам делать, если не бежать, не стоять же нам на месте, правда? – Витька был испуган не на шутку. Его выдавал неуверенный, немного понизившийся голос.

– Я тоже не смогу стоять так долго, а вдруг мне захочется в туалет, что тогда? – поддержал я.

– Тогда тебе придётся сходить в собственные шорты, – съязвил Максим.

Витька захихикал, но хохот его походил больше на мышинный писк. Таким низким он был.

– Не смешно, Макс! Вот сейчас честно – не очень смешно! Ты в том же положении что и я сейчас, так что помолчи, пожалуйста.

– Всё-всё, посмеялись и хватит! – успокоился Макс. Угомонился и Витька.

– Так какие варианты? Макс? Серёга?

– погоди, дай подумать... – я почувствовал, что из моей вспотевшей ладони начинает выпадать банка колы. Я вцепился в неё самой крепкой хваткой, на какую только был способен. Подумал: «А что, если я сейчас не удержу её и она выскользнет у меня из руки, что тогда? Скорее всего, мне не удастся сделать и первого шага, какой может быть разговор на счёт побега...»

– Не надо думать! – прозвучал незнакомый мужской голос, он явно доминировал над рыком боксёра.

– Что? – Витька повернул голову вправо.

Мы сделали то же самое.

Перед нами стоял мужчина лет двадцати. Он был в красных шортах, белых немного грязных сланцах, на тело надета майка-матроска, пострижен довольно коротко, не на лысо, но почти.

– Говорю, что не надо ни о чём думать, можете спокойно проходить. Он добрый, можете не бояться. Правда, Альфи?

Боксёр, было, приготовился лаять на нас, но тут же повернул морду, обратив внимание на хозяина.

– Альфред, давай успокаивайся! – спокойно попросил мужчина. – К ноге, дружок! Давай Альфи, ко мне!

Пёс по кличке Альфред, снова повернулся к нам, уставился и попеременно вглядывался в глаза каждого из нас.

– К ноге, я сказал! – повысил голос мужчина, хлопнув себя ладонью по левому бедру.

Альфред глядел нам в глаза ещё с пару секунд, потом развернулся и направился к хозяину.

– Ты почему такой не послушный, я не понял, а? В дом, живо! – велел мужчина, указав на лестницу, ведущую на веранду.

Альфред опустил морду из чувства вины, не стал ждать пока его хозяин повторит команду во второй раз. Он послушно отправился к лестнице, как сказано. Переваливался с бока на бок.

Мы расслабились, теперь не чувствовали ни напряжения, ни страха. Чтобы кола и вправду не выпала из ладони, я перебросил её в другую руку. Витька и Макс сделали по глотку газировки, хотели успокоиться. Я решил стоять на своём и не открывать банку.

– Извините его, мальчишки... он обычно ведёт себя приветливо. Не понимаю, почему сегодня он такой расстроенный.

– Ничего страшного, а можно вопрос? – сказал Максим.

– Да, конечно, парень. Валяй.

– Что это за страшный шрам у Вашей собаки?

– У Альфреда? Нет, это не шрам. Родимое пятно.

– Тогда понятно, – присоединился Витька.

– Это Ваш автомобиль? – я обратил внимание на «Девятку» неприметного серого цвета.

– Да, моя машина, а что понравилась?

– Выглядит неплохо! – отметил я.

– Хотите, покатаемся как-нибудь? – спросил мужчина. – И, кстати, чуть не забыл, не называйте меня на Вы, а то мне даже как-то неудобно... Начинаю чувствовать себя стариком. А мне всего-то девятнадцать.

Не верится, ему было девятнадцать, но выглядел он на все двадцать с лишним. Поэтому поверили мы не сразу.

– Вы... То есть ты выглядишь намного взрослее! – отметил Максим. Мы подошли к парню, которого несколько секунд назад посчитали взрослым мужиком.

– Хм, мне никто этого до вас, парни, не говорил. – Признался он. – Меня Иван зовут, для друзей просто – Ванька, – парень протянул руку и поздоровался с каждым из нас.

– Витька, – представился Витя.

– Макс, – сказал Максим.

Я тоже не остался в стороне:

– Меня Серёга зовут.

– Очень приятно, парни! Слушайте, если будете свободны или сможете отпроситься у родителей на ночь, то прошу ко мне в гости. Будет много моих друзей, я вас с ними познакомлю, ага? Можем устроить поездку даже сегодня ночью, если вы, конечно, хотите.

Мы с парнями переглянулись.

– Не знаю, – пожал плечами я.

– Да и мне могут всыпать, а не отпустить на ночь, – помотал головой Максим.

– Нет, мы будем! – заявил Витька.

Мы с Максом изумлённо на него взглянули, но он даже не обратил внимания на нас. Смотрел исключительно на Ваньку.

– Замётано! Давайте тогда обменяемся номерами и, как сможете, набирайте, хорошо?

Мобильник был только у Витьки. Мы с Максом оставили свои дома.

– О, я как раз взял мобильник! – Витька перебросил банку колы в другую руку. Достал из кармана джинсовых бриджей телефон-слайдер «Нокиа».

– Записывай...

Пока они переписывали номера друг друга, мы с Максом переглянулись. Я прочёл в его взгляде: «Что он делает, Серёга?». Мне ничего не оставалось, как пожать плечами в недоумении.

– А вы, парни, чего не достаёте мобильники? – обратился к нам Ванька.
– Да... мы это... оставили их дома, – ответил я. Макс поддержал меня, закивав головой.
– А-а-а, тогда понятно! Ладно, парни, удачи вам! Свой номер я дал, так что звоните. – Ванька пожал нам руки и отправился к себе на участок, заперев за собой калитку.
– Вы это слышали? Целая ночь, машина, Ванька и его взрослые друзья, такие же, как и он... Это же классно! – возбуждённо воскликнул Витька. Он сжал левую ладонь в кулак и затряс им в воздухе.
– Подожди, подожди, друг... Зачем ты сказал, что мы будем?
– Как это зачем, Серёга? – Витька вскинул руками. – Вам чего не хочется отлично провести время? – он допил свою колу. Банка отправилась в мусорный бак у магазина.
– Нет, ты не понял его, – включился в разговор Макс. – Он имеет в виду: почему ты принял решение за всех, даже не посоветовавшись с нами?
– Вот скажите, парни, вы, что часто получаете предложения покататься на халяву?
– Нет, Вить, не часто! Не знаю как Серёга, а я вообще не получал! Но в следующий раз будь так добр – обсуди хоть одно решение с нами! – вспыхнул Макс.
– Но что в этом такого-то? – недоумевал Витька.
– Что? Ты меня спрашиваешь: что в этом такого? Вить, а, к примеру, ты задавался вопросом: может быть у ребят другие планы, может Серёге или Максу всыпят, если они не вернутся домой в установленное время? Нет, Вить, ты не задавался этими вопросами! – Макс покачал головой, выбросил допитую банку в тот же мусорный бак и пошёл дальше.

Мы пошли вслед за ним.

Признаюсь честно, я никогда раньше не видел своего друга настолько возмущённым. Обычно он не обращал внимания на такие вещи, а сейчас ясно дал Витьке понять: у него тоже есть точка, до которой его лучше не доводить. По натуре своей Макс был достаточно отходчивым, сейчас я был уверен, что через минут пять всё встанет на свои места и парни пожмут друг другу руки. Но тогда, минутой назад, я был готов броситься разнимать обоих, в случае, если Макс накинется на Витьку. К счастью этого не произошло!

Мне захотелось пить, я не сдержался и всё-таки открыл свою банку. Выпил колу в два глотка, пока она была холодной.

Мне было всё равно на счёт времени. Родители особо не читали мне нотаций по поводу поздних прогулок. Их-то и не было, этих прогулок. Я каждый день приходил домой в девять, ну, в крайнем случае – беспятнадцати десять, если мы заговаривались с друзьями. Но эта идея на счёт ночной поездки по станице показалась мне привлекательной и, я даже в чём-то был солидарен с Витькой. Всё-таки в этом мне ничего не казалось странным. Даже тот факт, что мы могли поехать с людьми, которых будем едва знать.

4

На этот раз, ни о каких пяти минутах не могло быть и речи. Макс продолжал молчать, переваривая обиду. Он оставался впереди нас. Витька шёл, также молча, но с опущенной вниз головой. Я понимал, что он чувствует вину. Понимал, что ему неудобно перед нами, в первую очередь перед Максом. А ещё я понимал, что должен помирить их обоих, иначе наша прогулка закончится раньше, чем солнце спрячется за горизонт.

Мы прошли до очередной улицы, тянувшейся слева на право. Я, было, принялся призывать обоих парней к откровенному разговору, как увидел, что Витька, шедший в одну ногу со мной, прибавил шаг. Он догонял Макса.

– Максим, подожди, – сказал он.

Но Макс, будто и не слышал Витьку.

– Подожди, я сказал! – Витька взял Макса за плечо, чтобы остановить, но тот одернул руку и отошёл в сторону.

– Чё тебе ещё надо, Вить? Я с тобой разговор закончил.

– Зато я нет! – Витька взглянул на меня. – Серёга, подойди к нам.

Я двинулся к ним.

– Слушайте, парни, я понимаю, что поступил не очень правильно, извините. Ты, Макс, извини, – Витя протянул руку другу.

Закончив раздумывать, Макс протянул свою руку в ответ со словами:

– Хрен с тобой, давай закопаем этот топор нашей короткой войны.

– Серёга? – Витька не забыл и про меня.

– Да всё в порядке, я и не обижался, Вить. – Я пожал ему руку.

Мы посмотрели сначала влево – на асфальтированную дорогу, потом вправо – где была простая земля.

– Вы раньше ходили здесь, ребята? – спросил Макс.

– Я точно нет! – заявил Витька.

– Я ходил по той дороге, что слева, – дал знать я. – Там всегда людно, потому что устраиваются разнообразные ярмарки и работают магазины с ларьками. Я был там однажды, с родителями, но для нас с вами там нет ничего интересного. Продают в основном всё для дома, животных, огорода... В общем – скучота, но мои родители считают это занимательным.

– Хм, ясно, – сказал Витька. Он повернулся вправо. Мы с Максом сделали так же. – Интересно, а что, тогда в той части улицы? Домов нет... с обеих сторон заросший деревянный забор...

– Нет, вот там я точно не ходил! – уверенно сказал я.

– По-моему, там три жилых дома. В одном живёт моя тётя Даша. Я по выходным прихожу к ней с ночёвкой, когда родители уезжают в город. – Её дом второй слева, а дальше справа ещё один дом.

– А что ещё дальше, Макс? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Хорошо, – Витька взглянул на экран мобильного. – Сейчас без четверти четыре, у нас достаточно времени, чтобы пойти и изучить местность. Заодно, ты, Макс, сможешь провести свою тётю. – Он убрал телефон в карман.

– Вить, ты уверен? – уточнил я.

– Да, конечно! А что мы теряем?

– С другой стороны, я уже проголодался. – Макс принялся поглаживать свой живот. Может, тётя даст в дорогу чего-нибудь поесть.

– Может, – повторил Витька.

– Хорошо, пойдём?

Мы снова направились вправо по улице, её названия мы не знали, а единственный дом, который нам был виден, располагал довольно старой поржавевшей от времени табличкой. На ней название улицы было стёрто, да и с того расстояния, на котором мы находились, нам всё равно не удалось бы разглядеть что на ней написано.

Добравшись через некоторое время до второго дома неизвестной нам улицы, мы прошли по аккуратно выложенной деревянной дорожке до двери небольшого домика. По левую и правую стороны от нас в шахматном порядке были установлены цветочные клубы. Здесь росли и Лилии, и Нарциссы, и Герберы, и ещё много разных видов цветов, в которых никто из нас особо не разбирался.

– Карла Маркса, как я мог забыть? Точно! Улица Карла Маркса! – воскликнул Максим, указывая нам на белую табличку с синими буквами.

– Да-да, мы видим, – сказал Витька, ухмыльнувшись.

Максим постучал в дверь. Не прошло пяти секунд, а дверь уже открыла женщина с медными кудряшками. Как мне показалось – она была не старше тридцати. Она как будто знала, что мы придём. Хотя это и не удивительно, потому что мы так громко разговариваем, что нас можно узнать за улицу, а то и за две.

– Привет, Максимка, – женщина перевела взгляд на нас. – Здравствуйте, мальчики.

– Знакомьтесь, парни, это тётя Даша. Тётя Даш, а это мои друзья: Серёга и Витька, – представил нас Макс.

– Очень приятно, – призналась тётя Даша.

– И нам, – кивнул Витька. – У Вас очень красивый сад, особенно цветы! – повернулся левым боком к Лилиям и Нарциссам.

– Спасибо, я стараюсь ухаживать за ними, держать сад в свежем виде.

– У Вас отлично получается! – воскликнул я.

– Ещё раз спасибо, Серёжа! Может, вы зайдёте, ребята? – предложила тётя Даша.

– Мы на пять минут, я просто хотел узнать: как у тебя дела?

– У меня как всегда всё супер, Максимка! Собираемся делать шашлыки с дядей Андреем в следующую среду.

– Правда? – Макс приободрился.

– Да, если хотите, приходите, мальчики.

– Хорошо, – сказали мы втроём. От чего тётя Даша улыбнулась ещё шире.

– А мы вот гуляем...

– Мальчики, вы, наверное, голодные? Заходите, попьём чаю.

– Нет, нет, мы не хотим, спасибо! – сказал Витька.

В качестве подтверждения его слов я кивнул.

– Да, мы хотим погулять подольше, – сказал Максим.

– Ну как знаете, ребята. Тогда зайдите, я вам вишнёвого пирога в дорогу дам. – Она отошла в сторону, открыв дверь шире, чтобы мы могли зайти в прихожую.

5

Когда мы вышли с участка тёти Даши прохладный ветерок начал ласкать нашу кожу. Небо было уже не таким глубоким и голубым, его красоту вместе с последними лучами солнца затмили собой серые облака.

Тётя Максима посоветовала нам не задерживаться на улице, скоро мог пойти дождь. Она предложила, в крайнем случае, прийти к ней и переждать, пока погода прояснится. Мы пообещали, что в случае такой необходимости, обязательно к ней зайдём.

Не знаю почему, но спрашивать, что там дальше по улице у тёти Даши мы не стали. Мы просто отправились дальше по дороге, где не было ни домов, ни заборов, ни деревьев, ничего. Максим надел небольшую сумочку через плечо. Тётя Даша положила в неё шесть кусочков пирога, каждому по два. Рядом с контейнером стояла бутылка молока. Максим раздал нам по кусочку гостинца и вытащил попить.

– Ух-ты, а пирог очень вкусный! – сказал Витька, когда откусил кусочек.

– Да, Макс, объедение! – поддержал я. – В следующий раз, когда пойдёшь, передай тёте Даше от нас большое спасибо, – закинув остаток пирога в рот, я взял у Витьки бутылку молока и отпил немного.

Вишнёвый пирог действительно был неплох, мы облизывали пальцы с оставшимся повидлом и не хотели, чтобы удовольствие кончалось.

– О, смотрите, смотрите! – воскликнул Максим, указав нам на грузовик в ста, двухстах метрах от нас. Он был расположен под сенью невысоких деревьев.

– Грузовик? – изумился я. – Побежали, парни!

Максим отстал от нас. Он снял с себя сумку, поднял над головой, чтобы было удобно бежать, но догнать нас ему не удалось. Он добежал до грузовика последним.

– Смотрите, он какой-то старый, грязный, ржавый... – нахмурившись, сказал Витька.

– Видимо стоит здесь не первый год, – предположил я, оглядывая грузовик.

– Это же ЗИЛ! Это ЗИЛ! – Повторял Витька, когда обошёл автомобиль два раза.

– И что? – пожал плечами я.

– Как это? – вскинул руками Витька. – Это же такая классная машина! У меня дома целый журнал про них есть. Там было написано, что первые ЗИЛы служили для нужд Советской армии.

– Хм, классно, я даже об это не знал... – признался я.

– Если хочешь, могу захватить журнал с собой, когда гулять пойдём в следующий раз.

Глядя на Витьку, гордого за свои знания, я кивнул.

– Ладно, я ещё раз обойду грузовик, хочется всё просмотреть, каждую деталь, – с огоньком во взгляде сказал Витька.

Мы остались с Максом вдвоём. Но я заметил, что мой друг был чем-то озадачен. Чем-то, о чём я просто не мог не спросить у него. На мгновение мне даже показалось, что Максим плачет и всеми силами пытается это скрыть

– Друг, ты это чего нос повесил, а? – я положил руку на его плечо.

Макс с опущенной головой протянул руку и отпустил сумку на капот ЗИЛа.

– Ни... ни... ничего... всё в порядке, так пустяк...

– А ну, Макс, признавайся, что случилось? Ты же знаешь, я не отстану!

– Знаю... – усмехнулся Макс. Когда он поднял голову, я увидел, что усмехнулся он сквозь слёзы.

– Так что случилось?

– Помнишь, вы с Витькой спрашивали: как я провёл время с Ульяной в кино?

– Ну и что? Что, ты не всё нам рассказал или ей не понравилось?

– Нет-нет... ей всё понравилось... просто... просто... – слёзы не переставали наворачиваться на глаза Макса. – Вы были правы, я действительно в неё влюблён с третьего класса...

– Ну чего плакать-то, ей в этом признался? Так отлично же! – улыбнулся я.

– Нет... не смог, я только подарил ей цветы... – окончательно поникнув, сказал он. – Она сказала это мило... но ей нравится парень из девятого «Б».

Лишь спустя шесть лет я понял одну из удивительных истин жизни: слёзы восемнадцатилетнего парня никогда не будут жечь глаза так сильно как у двенадцатилетнего влюблённого мальчишки.

Раньше я никогда не оказывался в подобной ситуации, мне было одновременно и неудобно, и жалко смотреть на Макса. Наверное, дружба в этом и измеряется: умении выслушать и не дать пасть духом своим близким.

– Парни тут это... А что случилось, Макс? Ты в порядке? – присоединился к нам Витька. Максим вытирал слёзы на щеках.

Максим рассказал Витьке то же, что и мне.

– Не могу понять, что ты паришься? Ты же в сто раз прикольнее какого-то там старшеклассника, Макс!

– А он дело говорит, – поднял я большой палец вверх.

– Да у тебя же тётя выращивает цветы. Слушай, поговори с ней, она по-любому придумает тебе букет, цветной и пышный букет! – Витька положил на другое плечо Макса свою руку.

– Спасибо вам, парни! – улыбнулся наш друг. – Не поверите: вот сейчас всё вам рассказал и прямо легче стало!

– Поверим, дружище, поверим! – сказал я и убрал с его плеча руку. Витька продолжал держать свою на другом.

– Парни, а что это там в «дворнике»?

Максим имел в виду один из «дворников» грузовика, в который был вставлен сложенный вдвое журнал, его листы шуршали на ветру.

– Это ж газета! – разглядел Витька. Он отошёл от нас, вытащил из «дворника» журнальчик и вернулся.

– Что там написано? – поинтересовался я.

– Да что там интересного может быть, – безразлично ответил Витька. – Он убрал газету за пазуху. – Чё я хотел сказать? Там в стартер вставлен ключ, я в окно видел!

– Ключ? – изумился Макс.

– Сам посмотри, если не веришь! – он убрал руку с Максиного плеча и направился к кабине. Мы сделали то же самое.

– Точно! – сказал я, когда увидел ключи в стартере грузовика. – Но стоп, из нас никто же не умеет водить...

– Серёга, не переживай, я видел как это делает мой отец. Мы часто выезжаем с ним на рыбалку, – заверил Витька, обошёл кабину и не упустил момента спугнуть сидящих на капоте воробьёв, постучав ладонью по его крышке.

– Я тоже хочу ехать спереди... – закапризничал Макс.

– Так, давай решим это дело по-мужски.

– Ну хорошо, но чур до трёх побед, договорились?

Витьке уже поддалась дверь, и он запрыгнул в кабину, подгонял нас:

– Ну что, вы едите или нет? Тут есть немного бензина.

– Щас, щас, едем! – сказал Максим.

Решить дело по-мужски у нас считалось – сыграть в «Камень, ножницы, бумага». Нам казалось это забавным.

Макс выиграл у меня счётом два-один.

– Ха-ха-ха, Серёга едет в ку-зо-ве... – нараспев сказал он, закинул свою сумку в кабину, потом залез сам. Я запрыгнул в кузов ЗИЛа.

Витька сдал назад. Ему удалось развернуть машину в противоположную сторону. Он медленно отпустил сцепление и на первой скорости нажал на газ.

6

Я, обдуваемый тёплым, июньским ветром привалился на правый борт кузова. Сидел, поджав одну ногу под себя, а вторую вытянув вперёд. Наблюдал за пустынными полями; проплывающими мимо деревьями и кустарниками. В кармане шорт я нашёл старую губную гармошку салатного цвета, когда-то, она досталась мне от дедушки. Сейчас он уже не жил в Переясловской. Он вместе с бабушкой переехал в небольшой, но уютный дом в соседнюю станицу Брюховецкую. Я попытался наиграть что-нибудь, но упрямый ветер всеми способами заглушал мою музыку.

Бензина нам хватило минут на десять. В половину шестого как показывал мобильник Витьки, мы заглохли. Грузовик остановился посреди дороги. Неподалёку от железного забора с воротами, выкрашенными в чёрный цвет.

– Что это за место? – произнёс я вслух, спрыгнув с кузова.

Максим и Витька вылезли из кабины.

– Ну вот, бензин закончился, – проныл Витька.

– Ну что теперь поделаешь? Нам повезло, что ЗИЛ вообще завёлся. – Макс развёл руками.

Витька отмахнулся:

– Да... ладно уж...

– Парни, что это за место? – теперь я задал вопрос друзьям.

– Может, какой-то объект или частная стоянка... – с сомнением предположил Максим.

– Да, точно как в боевиках у богатых взрослых, – сказал Витька.

– Эй, Серёга, это что у тебя, гармошка? Дай-ка, а? Я сыграть попробую.

– Ну, бери, – усмехнулся я, протянув Максу гармошку.

– Спасибо! – он попытался дуть в отверстия инструмента. Но игрой это вряд ли можно было назвать, звучало так мерзко, как будто кто-то рвал бумагу или в столовой водил вилкой по пустой тарелке, вызывая тем самым неприятный скрежет.

– Балда, – Витька дал оплеуху Макс. Выхватил из его рук гармошку.

– Эй, ты чего? Отдай! – крикнул Макс, приложив ладонь к затылку.

– У тебя не получается. Глянь как надо... – Витька задержал инструмент в воздухе. – Парни, а что это? – Он указал взглядом на картонный лист с чёрными буквами, которые нам было не разглядеть, находясь у грузовика.

Когда мы подошли ближе, я прочёл предупреждение:

Осторожно! Вход воспрещён!

– Что это значит? – спросил Макс.

– Серёга, возьми, – Витька протянул мне гармошку. – Сыграю какнибудь потом.

Ветер усилился, от этого заскрипели ворота. Они не были заперты, поэтому открылись перед нами, как только ветер задул в их сторону.

– Да ладно... – изумлённо произнесли мы разом и, переглянувшись, пошли вперёд.

Как-то странно, но сейчас, следуя по асфальтированной дороге, каждый из нас молчал. Мы просто озирались, исследуя всё вокруг. Не знаю как остальным, а мне было одновременно и мрачно и совсем не хотелось останавливаться, я сгорал от нетерпения узнать: что же нас ждёт дальше? Раньше наша дружная троица могла болтать без остановки, отпускать абсолютно бредовые шутки, понятные только ей. В общем, мы делали всё то, что было характерно для нашего возраста.

Слева и справа от нас были посажены высокие деревья, а ещё трава – стриженная и сухая. Весь её цвет забрал лучами жаркого солнца чересчур жаркий климат. Прохладный ветер стих. Тучи продолжали собираться в кучу.

«Похоже, тётя Даша была права на счёт дождя, который мог начаться в любой момент...» – подумал я.

Дорога выходила к ограждению в виде зарешённого забора. Забор этот разделял собой сушу и водоём.

– О, это же «Бейсуг», да? – спросил я.

– Да, это та речка! – уверенно кивнул Макс.

– Интересно, что там дальше? – Макс допил остатки молока.

– Скоро узнаем, друг, – Витька обернулся, взглянув на Макса. Потом продолжил смотреть на дорогу перед собой.

– Узнаем-узнаем! А сейчас играем в тифу! – я выхватил у Макса пластиковую бутылку и запустил её в Витьку.

– Эй, больно же, придурок! И вообще, предупредил бы, что ли, а? – Витька приложил ладонь к голове, на то место, куда попала бутылка.

– Да не заводись ты, Витёк. Во-первых, я предупредил. Во-вторых, не так уж сильно бросил. Так что не придуряйся, ладно?

– Хорошо... – он поднял с земли бутылку и пустил в меня.

Меня даже прыжок в сторону не спас от летящего предмета. Поэтому следующим на очереди был я.

Парни стояли рядом друг с другом. Мне удалось попасть сначала в Макса, а от него уже бутылка отлетела в Витьку, который не смог увернуться. Не сразу среагировал, всё произошло в мгновение ока.

Они решили спор: кто водит? Вновь по-мужски. Макс продул другу в сухую три раза.

– Так, Макс, ну давай, теперь ты тифа, – захопал я в ладоши, как бы вызывая его на бой.

– Ну, лови! – он занёс руку назад и пустил бутылку в меня.

Я отбежал немного в сторону.

– Ха-ха-ха, не попал, не попал!

– Молоток, Серый. Дай пять!

Я хлопнул Витьку по ладони, но старался не терять из поля зрения Макса. Он успел поднять бутылку с земли, уже перебрасывал её из руки в руку.

– Ну чего ты ждёшь? Давай, бросай уже, не тормози! – подгонял Витька.

– Всё, кидаю последний раз и нафиг заканчиваем.

– А чего так? – нахмурился я.

– Время уже почти шесть, надо успеть осмотреть всё здесь. Мало ли, может, здесь реально есть что-то интересное.

– Да ладно тебе, Макс, ты же знаешь, что ночи летом светлые, осмотрим! Не парься. Да и вряд ли мы уйдём отсюда позже, чем стемнеет.

– Короче, я бросаю! – предупредил он и, выкинув ногу вперёд, пустил бутылку в нас.

Увы, но ни в одного из нас нашему другу попасть не удалось.

– О-о-о, похоже, это судьба у нашего Макса – быть тифой, – Мы с Витькой обняли Макса с обеих сторон за плечи.

– Да ну вас, парни.

– Ладно, ладно, парни нам ещё предстоит облазять это место, – сказал я полусёпотом.

Мы прошли поворот и обнаружили много интересного. Оказалось, что здесь стоят старые военные машины, такие например, как БМП или ЗИЛы, подобные тому, на котором мы приехали сюда. В этом месте нам удалось повидать множество машин разнообразных марок, которые уже давным-давно отслужили свой срок: «Волга», «Нива», «Тайота»... рядом с ЗИЛами посчастливилось запечатлеть небольшой танк. Его гусеницы заросли высокой травой и крапивой.

На языке у меня вертелось слово, способное охарактеризовать это местечко, но Витьке удалось опередить меня:

– Это же что-то вроде автомобильного кладбища! – он невольно замотал головой и продолжил: – парни, вы это... понимаете, нам никто не поверит, что мы нашли.

– Может, уйдём отсюда? – дрожащим голосом предложил Макс.

– Не бойсь, дружище. Никто тебя не съест! – усмехнулся я. Я взглянул на Витьку и продолжил: – А зачем вообще говорить кому-то про это место. Пусть оно будет нашим и всё!

– Хм, я только за! – кивнул Витя.

– Вам не кажется странным, что здесь так тихо и за этим местом никто не наблюдает? Ведь на воротах предупреждение, что сюда ходить нельзя?

– И что теперь? – вскинул руками Витька. – Подумаешь. А может, оно здесь не первый год висит. Может, вообще это место никому не нужно.

– Да, он прав, Макс, – поддержал я. – Будем играть здесь в тифу, бегать, прыгать. Можем делать всё, что мы любим.

– Ну... – он пожал плечами и, выдохнув, сказал: – хорошо, давайте...

– Наш человек! – стукнул кулаком Витька по плечу друга.

Небо продолжало хмуриться. Мы стояли у забора и наблюдали за рябью «Бейсуга». Нас обдувал ветер. Витька снял футболку и завязал её на поясе. Газетка, что была за пазухой, оказалась в заднем кармане бриджей. До сих пор не могу поверить, что этому парню совсем не было холодно. Хотя тело его покрылось гусиной кожей.

«Выделявается», – подумал я. Глядя на него, я незаметно усмехнулся.

Слева от меня стоял Макс, он глядел на озеро и молчал.

– Эй, Макс, ты о чём задумался?

– А? Что? Что ты сказал? – спросил он, оторвавшись от реки, которая захватила всё его внимание.

– Я говорю: чего ты такой загруженный, а? – я положил руку ему на плечо.

– Да не обращай внимания, – он положил свою руку на плечо мне и ухмыльнулся.

– Если ты всё ещё паришься по поводу истории с Ульяновкой. Не думай об этом, всё будет классно! – попытался приободрить друга я.

– Вот почему так: когда не надо отбоя от этих девчонок нет, а проходит время, нуждаешься во внимании только одной, хочешь заботиться, дарить цветы, не спать из-за неё по ночам, и потом узнаёшь, что ты ей вовсе не интересен как парень, всё что остаётся – надеяться на дружбу.

Первое время мне нечего было сказать другу. Я стоял, размышляя над его словами. Я понял, что ему бывает одиноко, и не важно: были ли мы – его друзья вместе с ним или нет. Ведь каждому из нас нужен тот человек, о котором нам бы хотелось заботиться, знать как дела и самое главное – это знать, что этому человеку мы также не безразличны.

– Друг, не думай об этом, обещай, что сделаешь, как мы тебе сказали – поговоришь с тётей Дашей и подаришь Ульянке цветы, а там увидим.

Макс кивнул, на мгновение мне показалось, что по левой его щеке течёт слеза.

– Серый, можешь дать мне гармошку? Я же так и не сыграл на ней.

Я вытащил её из кармана:

– Держи, Витька.

– Спасибо.

Витька проиграл на гармошке первые две секунды, а потом мы услышали сирену...

7

Оказалось, что мы исследовали не весь этот объект. Справа от нас, чуть дальше ЗИЛов стояли два КАМАЗа. Между ними была расположена машина «скорой». Судя по внешнему виду, «скорая» никак не должна была стоять здесь – на автомобильном кладбище. Выглядела она вполне исправно и скорее всего на ходу.

– Слушайте, парни, а может, нам показалось?

– Макс, всем троим? – Витька сморщил лоб. – Не верю я в такие совпадения... – он покачал головой.

– Так, так, так, парни, давайте по порядку: во-первых, из всех машин здесь мигалка только у этой «скорой». Так что, Макс, показаться нам не могло!

– Но...

– А во-вторых, почему бы нам не посмотреть, что там внутри? Если она, конечно, открыта.

Витька снова задул в гармошку. Мы втроём обратили внимание на «скорую». Ровно на секунду на её крыше красным зажглась мигалка, было ощущение, что я услышал, как что-то щёлкнуло, но сирена заглушила этот щелчок.

– Не показалось... – произнёс Макс, он, как и мы, замер, будто ожидал чего-то ещё.

Из-за тёмных стёкол «скорой» нам было трудно разглядеть, что там внутри.

– Блин, ну вообще ничего не видно... – Макс прислонился к окну левой двери, приставил ко лбу ладонь козырьком, чтобы получше разглядеть водительскую кабину.

Я же в свою очередь, точно так же, как и мои друзья пытался рассмотреть салон реанимационной машины, где обычно сидят врачи, и стоит каталка со специальным оборудованием для поддержания жизни пострадавших: капельница, дефибрилляторы и ещё что-то, ну это если верить сериалу «Неотложка». Его я смотрел с родителями по вечерам на выходных. Мне сериал нравился, поэтому, когда я был дома, то старался не пропускать ни одной серии, а позже, узнав, что у этого сериала есть первые два сезона, помимо того что мы видели, я скачал весь сериал себе на ноутбук, смотрел, каждый раз, когда было не до прогулок.

Обнаружив одну из задних дверей приоткрытой, мне сразу стало понятно, что за щелчок я слышал. Вместе с правой открылась и левая дверь «скорой», мне пришлось лишь немного надавить на её ручку и потянуть на себя.

Я резко упал на землю от увиденного зрелища. Сердце в груди заколотилось в разы сильнее. Подушечками пальцев я не мог ощутить, что мои ладони лежат на щебёнке; на время пропала чувствительность. Осипшим голосом я стал звать своих друзей. Лишь с третьего раза мне удалось докричаться до них.

– Серёга, ты чего? – спросил Витька. Он снова был в футболке, потому что начался дождь. Газета не торчала из заднего кармана бриджей. Она снова оказалась за пазухой. Видимо Витька засунул её туда, чтобы не намочить.

Я молчал. Рукой указал на открытую машину. Точнее – на то, что было в ней.

– Ух-ты-ы-ы, – протянул Максим, присвистнув.

– Это что ещё такое? – выпучил глаза Витька.

– С тобой всё в порядке? – парни взяли меня под мышки и поставили на ноги.

– Да... да уж...

Светящийся зелёный треугольный камень поднялся в воздух в салоне «скорой», вот, что я увидел до того как рухнул на землю.

Когда парни меня подняли, камень продолжал нависать над каталкой. Он крутился всё время вправо, а потом начал плыть по воздуху, направляясь в нашу сторону.

– Пар... парни, вы это тоже видите, да? – я проглотил слюну от удивления.

– Ага... – произнесли оба и кивнули.

Камень вылетел наружу и зашипел от капель дождя, что долетали до него. Но спустя какое-то время шипение стихло. Обнаруженная нами вещица прекратила движение, замерла в воздухе. На той стороне, которой к нам повернулся камень, появилась надпись:

ВАС ПРИВЕТСТВУЕТ «МАУНТИНИЙ»!!!

ЗАПОЛНИТЕ ДВА СЛЕДУЮЩИХ ПОЛЯ:

Ваше имя/имена:

Ваша любимая игра:

Мы переглянулись.

– Что это за штуковина? – Витька был в недоумении.

Я пожал плечами, не сказал ни слова. Мне нечего было сказать. Макс опустил глаза и взглянул на два поля в камне, которые необходимо было заполнить.

– Давайте заполним, а? – предложил он.

– Так, так, так... – мой лоб покрылся испариной.

Я поднёс подушечку пальца к одному из пустых полей, написал наши имена, благодаря появившейся клавиатуре на экране камня. Потом перешёл к полю о любимой игре.

Макс забормотал мне под ухо:

– Пиши «Салки», пиши «Салки»...

– Макс, тихо!

Дрожащими пальцами я набрал: «Салки».

– Пять? – изумился Витька, когда увидел на экране цифру «5».

– Это таймер... – сказал Макс, когда понял, что начался отсчёт.

Два... Один...

В глазах потемнело...

8

Я почувствовал лёгкие хлопки по щекам и услышал слова:

– Парень... Парень, ты в порядке?

Зрение пришло в нормальное состояние, теперь я мог различать образы, цвета и видеть чёткую картинку.

– Где... мои... друзья? – я чувствовал, что мои губы были сухими.

Надо мной стояли трое неизвестных мальчишек, они были одеты так же легко, как и я с друзьями. Меня подняли на ноги, а вслед за мной и друзей, которые вот-вот очнулись. Мы находились в какой-то непонятной комнате из фиолетовой плитки, не отражающей наших теней и света потолка, который был одновременно и большой, тонкой, квадратной лампой, накаливаемой добела.

От Макса и Витьки последовали вопросы: где они находятся? Что произошло? Кто эти парни? И как скоро они окажутся дома?

Один из незнакомых нам парней, который держал в руке теннисный мячик, стал объяснять всё по порядку:

– Вы находитесь в «МАУНТИНИИ» – это фиолетовый зал. Вы нашли специальный камень, он и перенёс вас сюда. Мы, такие же, как и вы – простые парни, которые попали сюда неделю назад. Только от вас самих зависит, как скоро вы окажетесь дома. Первые две минуты у вас должна быть головная боль... вы чувствуете?

Мы втроём одновременно сказали:

– Да!

– Это нормально! – объяснил другой, рыжий паренёк, стоящий рядом со своим приятелем.

Витька спросил:

– И что же нам делать, чтобы побыстрее удрать отсюда?

– Когда мы сюда попали, задались таким же вопросом, – их третий друг встал к нам в пол-оборота, – на одной из этих стен появился большой экран с инструкцией. Так вот, в ней сказано, что нужно дожидаться ещё трёх человек, сыграть в их любимую игру и тогда «МАУНТИНИЙ» перенесёт всех обратно в родные места.

– А что вы делали с этим мячиком?

– Как тебя зовут? – спросил Рыжий.

– Максим.

– Меня – Влад, – он убрал ладонь со своей груди, показал на друга с мячом. – Это Женя, – потом на того парня, что рассказал нам про инструкцию, – а это Гришка. Мы просто пытались забыть о времени и, подумали об этом мячике. Он появился.

– А моих друзей зовут: Серёга и Витька. Получается, мы можем подумать о возвращении и сразу вернёмся?

– Нет, боюсь, что это невозможно. Тут всё строго по инструкции: выиграете у нас – все вернёмся домой. Нет – останемся здесь, пока не появятся новые ребята. – Женя повернулся к нам спиной и пустил мячик прямо в стену, она проглотила его, словно гладь реки проглатывает камни, если кидать на спор «блины».

– Парни, а как вы оказались здесь? Вы тоже нашли камень на старом автомобильном кладбище, правильно?

– О, нет. Мы после урока физкультуры остались на спортивной площадке, гуляли и у забора увидели, висящий в воздухе красный треугольный камень. Заполнили поля, оказались здесь.

– Значит, нужно быстрее сыграть в игру! – воскликнул Витька. Он смотрел на меня с Максом.

– Ваш друг прав! – согласился Гриша. – Давайте сыграем, это шанс для нас всех оставить это место и продолжить спокойную жизнь рядом с родителями.

– Да, конечно, давайте. Мы написали «Салки», – сказал я.

Вшестером мы отправились на середину «МАУНТИНИЯ» и Витька не дожидаясь спора в «Камень, ножницы бумага», вызвался быть ведущим.

Он закрыл глаза, встал в середине пятиугольника, который мы образовали, и ждал. Его целью было: найти по хлопкам и ощущениям от прикосновений хотя бы одного из парней не своей тройки и при этом – правильно назвать, того кого нашёл. Было лишь два условия: никому, кроме ведущего нельзя разговаривать. Всем ведущим нельзя подглядывать во время игры.

Сначала в ладоши хлопнул Максим, два раза. Следуя подсказам своего слуха, Витька направился к нашей тройке – влево. Не дойдя до Максима, не дойдя до меня, наш друг поддался своему слуху, ведущему в этот раз вправо, где Влад старался хлопать больше остальных своих друзей и нас включительно.

– Да как же найти хоть кого-нибудь из вас? – прокомментировал Витька.

Наконец дойдя к тройке парней напротив нас с Максом, Витя сделал свой выбор, начал водить по рукам оказавшегося перед ним парня, пробовать на ощупь ткань и форму его одежды. Спустя незначительное время Витька сказал:

– Всё, я точно, точно знаю кто это! Это Женька! – его улыбка тут же улетучилась.

– Нет, нет, я Влад. – Ухмыльнулся парень. Он похлопал Витьку по плечу.

– Вы продолжаете, у вас есть ещё две попытки, так что всё в порядке!

– Ладно, продолжаем! – сказал Максим. – Никто не возражает, если я буду вас искать?

– Нет, мы совсем не против, – подмигнул Гришка.

– Хорошо, – Макс вышел в середину, закрыл глаза. Мы начали хлопать.

Хлопал вначале я, потом остановился. Меня подхватил Витька, когда Макс был уже в нескольких метрах от нас. Он уверенно шёл в нашу сторону, но резко остановился в тот момент как Влад начал хлопать в ладоши. Они вместе с Гришкой поменялись местами. А мы с Витькой решили остановиться и ничего не делать. Захлопал и Женя, он старался хлопать как можно громче, видимо хотел таким образом обмануть нашего Макса.

Макс же уже выбрал одного из парней. Ознакомился с длиной его рук, одеждой, формой головы и попал прямо в точку, когда назвал имя:

– Я, конечно, не уверен, но, по-моему, это Влад! – он открыл глаза и оказался прав. Перед ним стоял именно Влад.

– Молодец! – улыбнулся Влад. Он занял место Максима. Максим присоединился к нам.

Влад потёр руками. Закрыв глаза и стал ждать.

Первым похлопал один из его друзей – Гришка. К его хлопкам присоединились и мы с парнями. Влад буквально разрывался: стоило ему пройти три шага к своим, как начинали хлопать мы и он решал сделать два шага в сторону нас. Мы упорно старались переманить парня на свою сторону, на удивление, получалось у нас неплохо!

Совсем скоро, пройдя мимо нас с Витькой, Влад случайно схватился за запястье нашего третьего друга. Потом его руки перебрались на футболку, воротник.

– Это... это... Серёга! – воскликнул он. Но был разочарован, когда открыл глаза.

– Нет. Извини, ты проиграл. – Я Максим, а вот он, – Макс показал в нашу сторону, – Серёга.

– Ну, ничего, я уверен, Гришка за нас отыграется – сказал рыжий парень.

Гриша кивнул и отправился в середину.

– Ну, что начнём?

– Да! – сказал Женька.

Гриша шёл на хлопки к своим парням. Пока те перестраивались между собой, я обратился к своим друзьям.

– Парни, я знаю, как их победить, если мы хотим вернуться домой.

– Нужно хлопать по-особенному, поняли?

– Но как, Серый? – спросил Витька.

– Один хлопок, потом три хлопка, – прошептал я.

Вроде бы нас не заметили за перешёптыванием. Мы замолчали сразу, как увидели рядом идущего Гришу. Я хотел было уже отойти в сторону, но получилось так, что мы шёркнулись друг с другом предплечьями. Он схватил мою ладонь, перебрался кончиками пальцев выше до плеча, а затем коснулся шеи. Гриша долго молчал, раздумывая над ответом на вопрос: *кто же передо мной стоит?*

– Это Серый! – уверенно заявил Гриша. Он открыл глаза, чтобы окончательно убедиться, что угадал. Так и было.

Я пошёл на середину, надеясь, что друзья меня услышали, и они помогут мне. Закрыв глаза, я настроился к игре. Услышал всего-навсего один хлопок.

– Друг, что с тобой? – спросил я, когда увидел Макса лежащего на полу зала.

– Я услышал хлопок и в глазах потемнело. Видел всё смутно, упал, а парней и Витьки уже не оказалось.

Я подал Максу руку, поднял его на ноги. Мы оба оглядели каждый уголок зала, оказалось, что ни Витьки, ни наших новых знакомых здесь нет.

– Смотри, газета... она у Витьки была в бриджах. Интересно: где они, где Витька...

Я медленно повернул голову вправо, пока Макс поднимал газету с пола.

– Смотри, Макс.

– Что?

Мы оба видели, что в одной из стен появился длинный, тёмный коридор, а на полу начали загораться мигающие всеми цветами стеклянные стрелки с надписью большими белыми буквами «ВПЕРЁД».

9

Изнутри, коридор, который показался нам мрачным, на самом деле ничем не отличался от зала. Те же потолки-лампы, стены, пол. Но вместо надписи «ВПЕРЁД» на стрелках появился таймер с заданным нам временем. Был отведён лишь час. Час, за который мы с Максом должны были найти нашего друга и выбраться из этого места под названием – «МАУНТИНИЙ».

Прошло восемь минут, а мы всё продолжали бежать друг за другом из-за узкого коридора. Но все наши силы иссякли довольно скоро. Мы стали идти спокойным шагом по стрелкам с таймером, шли всё время прямо.

– Серый, а, Серый, как думаешь? Что будет через час?

– Ой, не знаю, Макс... Честное слово! Даже не представляю...

– Серёга, мне страшно! Очень, очень страшно! Только ты это, не говори Витьке, когда мы его найдём, хорошо?

– Хорошо, друг, не скажу. Обещаю.

– Если вообще найдём... – прошептал Макс.

Сначала, я не хотел ничего говорить, но настрой Макса меня никак не устраивал и я всё-таки продолжил разговор, остановившись и развернувшись к другу, который столкнулся со мной:

– Осторожно. Так, Макс, послушай меня внимательно: мы обязательно найдём Витьку! Мне неприятно, что ты допускаешь, что мы можем его больше не увидеть. Давай договоримся: никогда так не говорить, хорошо?

– Нет, нет, ты меня не правильно понял, – Макс замотал головой. Вид у него был бледноватый, растерянный, а что больше всего меня напугало – отчаянный. – Я просто боюсь за друга, вот и всё! Кто знает: что с ним? И где он находится?

– Всё будет, хорошо, слышишь? Мы найдём и Витьку, и остальных ребят, понял?

– Понял, понял... – выдохнул он. Мы продолжили идти, следуя указателям. На таймере уже было 00ч:48м:32с.

– Нужно торопиться, Макс.

– Я пока не могу идти быстрее, извини. Дыхание сбил, когда бежал.

– Понимаю, но всё же...

Короткими перебежками через каждые полминуты, благодаря указателям мы добрались до первого поворота влево, а дальше снова следовали по прямой. У поворота, таймер на стрелке, мигающей синим светом, отображал ровно сорок две минуты. Минув поворот, мы вбежали в следующий коридор, но в этот раз не фиолетовый, а расписанный разнообразными изображениями.

– Ты это тоже видишь, Макс? – спросил я у друга, когда мы резко сбавили темп и перешли на ходьбу.

– Офигеть! – произнёс он.

Вызился он так не случайно, потому, что не каждый день можно увидеть расписные плитки на стенах, да ещё которые работают подобно анимациям на картинках в телефоне или специальных приложениях.

На стене слева картинка была от первого лица, как будто главный герой скатывается по горке-спирали в аквапарке. Дополнительно, движущуюся картинку сопровождал детский радостный писк и звук плеска воды. Главный герой скатывался с горки очень быстро, а позже произошла яркая, белая вспышка и картинка началась снова.

Правая стена отображала пасмурный вечер, туман и двоих детей: девочку и мальчика. Девочка была старше, а маленький мальчик, по всей видимости, был её младшим братишкой. Они шли по лесной тропинке, держась за руки. Говорили о чём-то, но о чём именно было неизвестно, поскольку звук на этот раз отсутствовал.

Мальчик остановился. Девочке пришлось сделать то же самое.

Он показал рукой вперёд перед собой и что-то сказал. Девочка что-то ему ответила, вероятно, спросила, что он увидел.

– Оно блесит, – произнёс Макс. Я обратил на него внимание, оторвавшись от стены.

– Что?

– Оно блесит, – Макс не переставал смотреть на картинку, – я по губам прочёл то, что он сказал.

– И давно ты по губам читаешь? – я обратил внимание на происходящее на стене.

– Нет. Заметил совсем недавно.

Как оказалось позже, по пути ребята обнаружили камень той же формы, что и мы на автомобильном кладбище. Но не зелёный, а малинового цвета. Они что-то написали на нём, после чего последовала ещё одна яркая, белая вспышка и всё по новой.

За просмотром картинок мы потеряли ещё пять минут. Когда на таймере отсчёт начался с тридцати семи минут я и Макс сдвинулись с места. Сердце подсказывало мне, что от Витьки и новых знакомых нас отделяло немного.

Коридор привёл в комнату с высокими потолками. Мы остановились на мгновение, чтобы изучить новое место. Стояли на одной из трёх дорожек, ведущих к большой треугольной площадке, посреди которой стояла довольно крупная клетка. Недолго думая мы побежали прямо на площадку, а когда добрались, обнаружили детей в этой клетке. Она была из странной материи. Не из стальных прутьев как в тюрьмах, что показывают по телевизору, а из двухцветного дымчатого материала. Изнутри она была голубой, а снаружи – серой, как сигаретный дым.

Дорожки разделяли глубокие впадины вниз. Их дна не было видно из-за темноты под нами.

– Спасите, спасите нас, мальчики... – закричала та самая девочка со стены в коридоре, она прикрывала правую ладонь левой ладонью.

Рядом с ней стоял маленький мальчик.

– Это твой брат.

– Да. А как вы догадались?

– У меня тоже есть старшая сестра, мы ведём себя точно также, – объяснил им Макс. – Мы просто только что видели вас на одной из стен коридора

За спинами, подогнув колени, сидел парень нашего возраста. Он нас не сразу заметил. Но как только увидел, то сразу же поднялся с места.

– О, парни... слушайте, здесь происходят очень странные вещи... мы все попали в ловушку...

– Да уж... мы это уже заметили... – произнёс я. – Что с вами со всеми произошло? – я попытался прикоснуться к одной из вертикальных дымчатых линий, но меня резко остановил маленький мальчик.

– Не трогай эту штуку!

– Это ещё почему, парень? – нахмурился я.

– Маринка, покажи им, – он взглянул на сестру, подняв голову, когда повернулся к ней.

Девочка по имени Марина нехотя убрала ладонь. Три пальца были настолько поражены, что прослеживались чёрные пятна. Такое бывает, когда кожа омертвела из-за внешних воздействий, например из-за мороза или огня.

– Это что?

– Ожёг. Когда мы с Димкой сюда попали, я в панике пыталась выбраться отсюда, но взявшись за это, тут же отошла назад из-за боли. – Мы прогуливались по станице и увидели тропинку, она уходила далеко в лес. Там был указатель, который запрещал идти дальше. Но Димка уговорил меня, и мы пошли вперёд. А потом...

– Ясно, – прервал я. – А дальше вы увидели камень, да?

Брат с сестрой одновременно кивнули.

– Но почему тогда ты, парень, сидел, откинувшись на эти штуковины.

– Просто, здесь – внутри эта клетка безопасна, а снаружи нет, – объяснил парень в рубашке с капюшоном, застёгнутой наполовину. – Меня Лёха зовут.

– Понятно.

– Кстати, это ты катался в горке? Мы тебя в коридоре тоже видели! – спросил Макс.

– Да, меня именно там и перенесло в «МАУНТИНИЙ», – закивал он.

– А вы не видели ещё одного парня? Витька зовут?

Лёха усмехнулся и спросил, указывая взглядом вверх:

– Это вы про него?

Мы развернулись назад, подняли головы вверх и обнаружили ещё одну дымчатую клетку, висящую над площадкой и стоящего в ней нашего Витьку.

Он молчал. Увидел нас и замахал рукой.

– Привет, друг! – Крикнул Макс.

– Здорова, дружище! – крикнул я, помахав в ответ.

– Как ты там оказался?

– Когда Серый начал нас искать, в глазах у меня побелело. Я почувствовал, как что-то ледяное обхватило меня. А потом всё стало черным. Я очнулся только что, смотрю, а вы уже здесь, – пожал плечами наш друг.

– А вы тоже играли с парнями? – спросил Лёха?

– Да... – ответил я.

– Дело в том, что и я с ними играл, и Марина с Димкой. А позже мы из-за них попали сюда. Я говорю так потому, что знаю, что эти парни не живые. Они будто часть этого места...

– Но с чего ты так решил?

– Я попал сюда раньше всех вас. Находясь в сонном состоянии, увидел, как они принесли сюда Димку и Марину. Один обошёл клетку. Видите? Здесь ничего не видно из-за этой железной пластины. Второй, когда полосы исчезли, положил рядом со мной ребят и растворился. Потом, полосы появились вновь, я снова оказался в клетке, но уже с Димкой и Мариной.

– Обошёл клетку?

– Да.

– Ребята, вы не знаете к чему тут этот таймер на указателях? – спросил Макс.

– Если ваш час закончится, вы попадёте в клетку. Я добежал именно досюда, когда моё время истекло, так что вам нужно поторопиться...

Я обошёл клетку. Обнаружил на обратной стороне пластины прикреплённый рычаг, похожий на те, что бывают у колодцев с водой, стоящих во дворах домов нашей станицы. Позвал Макса, чтобы он смог на это взглянуть.

– Что ты нашёл?

– Гляди...

– Что будем делать?

– Не знаю...

Что-то заставило меня вспомнить о газете, которую мы нашли по дороге на запрещённый объект.

– Макс, дай газету, которую мы с вами нашли по пути, – я вытянул руку в ожидании.

Без лишних вопросов он вынул из-за спины сложенную вдвое газету – «Краснодарский вестник» и протянул мне.

Развернув её, я наткнулся на заголовок:

Главная новость Кубани:

Школьники Переясловской школы бесследно пропали...

27 мая, через два дня после окончания учебного года в отделение милиции родителями поступило два заявления о пропаже их детей. Как утверждают сами родители: дети как обычно гуляли и время от времени связывались с ними по мобильным телефонам. Но именно 26 мая, дети не появились дома раньше комендантского часа. То есть 22:00.

Наутро 27 мая, так и не дождавшись звонков от своих детей, родители были вынуждены обратиться в участок органов по месту проживания. Детей до сих пор не нашли...

ПРЕДУПРЕЖДАЕМ РОДИТЕЛЕЙ: не отпускайте детей на улицу до завершения расследования произошедшего!!!

После того, как мы прочли небольшую статью, газета загорелась пламенем прямо у меня в руках от чего я и Макс разошлись в стороны, а руки мне пришлось убрать к груди. Сгоревшая газета осыпалась пеплом на пол площадки.

Мы услышали шаги и голоса парней, с которыми встретились в фиолетовой комнате. Решили убежать по левой от клетки дорожке в ещё один мрачный дверной проём. Пообещали ребятам, что обязательно их спасём. Я догадывался как.

На указателях на полу таймер показывал ровно тридцать минут.

10

Прислонившись, время от времени, мы выглядывали из-за стены коридора, который был абсолютно тёмным из-за отсутствия света. Наблюдали, за тем что происходит на площадке. Никогда раньше, я не чувствовал себя настолько паршиво, как сейчас. Уверен, что Макс испытывал то же самое.

Наши «приятели» зашли на площадку. Они оглядывались вокруг. Взглянули на ребят, заключённых в клетку, улыбались, жестикулировали руками и о чём-то разговаривали между собой. Потоптавшись на месте ещё с минуту, они направились по дорожке справа от клетки.

– Они думают, что мы рядом. Этот рыжий, который Влад, он предложил им осмотреться в правой части. А потом, если они ничего не найдут, прийти сюда. – Сказал Макс. – Нужно как-то вытащить ребят и Витьку.

Я уже и забыл, что Макс читает по губам. Вспомнив, я и не стал спрашивать, откуда он это знает.

– Я даже догадываюсь как.

– Как?

– С помощью рычага на пластине. Я так понял: он отключает эту решётку. Ты можешь сейчас пойти за ними, отвлечь и привести сюда?

– Я? Ну... да, могу, – кивнул он.

– Хорошо, а я отпущу ребят. Буду у рычага. Когда ты приведёшь их, сделай так, чтобы эти трое встали на место клетки, договорились?

– Я постараюсь! – пообещал он.

Дождавшись пока они уйдут, я остался на площадке, а Макс – последовал за парнями.

Макс зашёл в коридор из голубой плитки, светящейся в темноте. Потолки-лампы здесь не работали, поэтому увидеть что-то определённое перед собой было почти невозможно. Он решил ориентироваться по голосам ушедших вперёд парней и медленно продвигался, вытянув перед собой правую руку.

Приглядевшись, Макс понял, что плитки коридора такие же анимированные, как и у предыдущего. На них был изображён ландшафт глубин океана: зелёные водоросли, цветные рыбы, пересекающиеся друг с другом, а ещё проплывала мимо семейка дельфинов: два взрослых и их ребёнок, держащийся мамы.

Он на мгновение остановился. Будто чувствовал, что Макс за ним наблюдает. Повернулся к нему и глядел на него какое-то время. Макс и дельфин наблюдали друг за другом так, словно соревновались: кто кого переглядит? Но это продолжалось недолго: тот дельфин, который был мамочкой, обратился к своему ребёнку на их языке, как бы говоря: «На что ты отвлёкся? Давай не отставай!». Макс же, находясь посреди коридора – услышал лишь два ультразвуковых сигнала.

Малыш-дельфин, чьё внимание ещё секунду назад было занято Максом, повернулся к родителям, а ещё через мгновение догнал их.

Макс потеряв из поля зрения семейку дельфинов, вспомнил, что его целью было догнать и заманить парней обратно к клетке. Он обратил внимание на пол. Точнее – на отсутствие на нём стрелок с таймером. Времени оставалось совсем немного. Он прибавил скорости, когда перестал улавливать голоса парней.

Голоса. Макс их слышал, но для этого ему потребовалось бежать не одну минуту. По звуку парни шли близко. Теперь начиналась одна из главных целей: привлечь их внимание. Макс подошёл к стене, раскрытой ладонью он шлёпнул по голубой плитке, после чего последовал звук плещущейся воды, эхом разлетевшийся по оставшемуся коридору. Так будто маленькие дети,

купаясь в речке, бьют по её глади. Ладонь его оказалась сырой. От чего он нахмурился, но потом вытер руку о футболку.

– Вы это слышали, парни? – донёсся голос Жени до Макса. – Здесь кто-то есть! Побежали обратно!

Сердце в груди заколотилось. Ладони сжались в кулаки. Ноги стали ватными. Макс задышал глубже в ожидании.

Первым перед Максом появился Гриша, несущийся впереди остальных.

– Держите его, держите, парни! – прокричал Влад.

– Я попал... – Макс резко развернулся назад и драпанул обратно в комнату.

Первое время бежать было трудно и неудобно. Позже ноги пришли в норму. Макс изредка оборачивался назад, то через левое, то через правое плечо, чтобы узнать насколько парни близко. Его дыхание довольно скоро сбилось, но он решил не сбавлять темп и держал курс всё время вперёд.

Наконец, он забежал на площадку, а потом свалился на колени, пытаясь отдышаться.

– Вот он, парни, гляньте... – сказал Влад.

– Погоди, а где малолетки? – спросил Гриша.

– Куда они пропали? – Женя смотрел на то место, где должна была быть дымчатая клетка с заключёнными ребятами.

Я держал рычаг, завинченный до упора. Был готов отпустить его как только мой друг даст знать, что эти трое клюнули на ловушку.

– Признавайся, где твои друзья?

Откинув тело назад, мне удалось увидеть, что рыжий пацан стоял над моим другом, ухмыльнувшись и наклонив голову набок. Не дождавшись ответа, он с размаха попал ногой Максу в живот, но тот успел закрыть его, обвив руками.

Меня это вывело из себя. Я было принялся отпускать рычаг, как тут этого урода окликнул Женя:

– Эй, не трогай его! Лучше подойди к нам.

– Я сейчас вернусь!

Он присоединился к друзьям, а я пока никто не заметил, вернулся к рычагу. Они долго разговаривали возмущённо высказываясь. Из-за боли Макс не мог сказать отпустить мне рычаг или нет. Поэтому я взял всё в свои руки, отпустил рычаг, отпрянув в сторону.

– Что? Не-е-ет! – крикнул Женя. Он схватился за одну дымящуюся полоску, обжёг обе руки и сделал два шага назад, столкнувшись с Гришей они оба упали на пол, а Влад остался в стороне.

– Так тебе и надо, урод! – выпалил я, выйдя из-за пластины.

Я не стал тратить время на эту троицу, даже не обратил внимания на слова, брошенные мне вслед. Мне куда важнее было состояние друга всё ещё лежавшего недалеко от клетки.

– Ты как?

– Да всё нормально – шёпотом ответил он. Я помог ему подняться. Макс держался за правую руку, которой досталось больше всего.

– Вы об этом пожалеете! – заявил Влад. К полосам он подходить не стал: понимал, что делать это опасно для его здоровья.

«Да, да конечно», – подумал я, глядя на Макса.

– Смотри. Время на стрелке, оно это... остановилось! – Макс указал кивком на пол.

Отсчёт времени на жёлтой стрелке остановился ровно на четырнадцати минутах.

– Точно. И что дальше? – я почесал затылок с задумчивым видом.

Макс пожал плечами. Ему нечего было мне сказать. Он спросил:

– Погоди, а где Витька?

– Он сидит сейчас сзади клетки, за пластиной. Он упал, сейчас ему трудно ходить, так что побежали к нему.

– Похоже, время закончилось.

– Да. Похоже, что так, друг.

Мы добрались до Витьки, сидящего у пластины.

– Ты как, Витёк, а? – я подал руку другу.

– Ничего, терпимо! На соревнованиях и покруче падал. – Мы взяли за руки. Я помог ему подняться с пола.

Витька подогнул колени и немного наклонился вперёд, положив на них ладони.

– Вот блин... Ноги-то как сильно болят, мамочки...

– Так, с вами всё ясно, а где же те ребята, которые в клетке были до этих придурков? – уставился на нас Макс.

– Лёха помог мне привести Витьку сюда, а потом я показал им, где можно спрятаться. Там, – я указал ему на проём слева от клетки, – где прятались мы с тобой. А потом проём озарился ярким светом, и мне не удалось дозваться ни одного из них.

– Так, и что же нам тогда делать? Раз игра закончилась...

– Не знаю, Макс! – честно ответил я.

– *Игрок Максим, пожалуйста, пройдите в левый коридор!* – громким эхом отозвался мужской голос.

– Парни, это ещё откуда? Вы тоже слышали? – Витька стоял в недоумении.

– *Повторяю: Игрок Максим, пожалуйста, пройдите в левый коридор!!!*

Чёрный проём левого коридора вспыхнул белым светом. Макс обернулся к нам и вопросительно глядел на нас.

– Ну, что стоишь, иди! – сказал Витька.

Он отправился по дорожке. Пройдя до середины, он прочёл надпись большими буквами, которая высветилась над входом:

– «ПРОШЛОЕ».

Вестибюль. Море народа. Приятная на вид женщина-гардеробщица, приветливо принимающая и отдающая одежду хозяевам. Дети, держащие за руки своих пап и мам. А в центре всего этого действия стояли друг напротив друга: Макс и Ульяна.

– Максимка, спасибо, что пригласил меня сегодня на этот фильм! Мне очень понравилось! – улыбнулась она.

«По-моему, это я уже слышал, неужели дежавю? – подумал он, – это правда происходит со мной?».

– Ульяна, я рад, что тебе понравилось! – за спиной он держал три лилии, ему не терпелось, как и в прошлый раз обрадовать девушку. Но на этот раз Макс решил выговориться, сказать ей всё то, о чём он промолчал тогда, на настоящем день рождения подруги: – Подожди, я знаю, что ты сейчас скажешь, не нужно, мне... мне сложно сейчас... Я в курсе, что тебе нравится парень из девятого класса, но я хочу, чтобы ты знала, что ему ты не нужна так сильно, как мне! Ещё, я хочу, чтобы ты знала, что я влюблён в тебя с третьего класса! Да, у меня не получается выражать свои чувства к тебе, но у меня есть две единственные мечты: первую я дождался, ты согласилась пойти со мной в кино. Вторая, – он вытащил из-за спины цветы и вручил их Ульянке, – давай встречаться?

Ульяна молчала. После продолжительной паузы, она подала признаки жизни:

– Это так неожиданно... правда... – девушка приняла цветы.

– Так что, ты не против? – у него сердце ушло в пятки. Но спустя несколько секунд стало легче. Держало в напряжении лишь её молчание.

– Максимка, конечно, давай! – улыбнулась девушка и, не задумываясь, обняла Макса.

Макс крепко держал девушку в своих объятиях и старался ухватиться за каждую секунду, чтобы побыть рядом с ней как можно дольше.

Меня с Витькой окликнул знакомый голос. Мы поднялись с пола. Выглянули из-за клетки и увидели идущего к нам Макса. Судя по его физиономии, было понятно, что он испытал что-то по истине приятное.

– Я снова с вами, друзья! – сказал об очевидном наш друг. Его губы изогнулись в улыбке до самых ушей.

– Это, конечно, хорошо, Макс, но позволь узнать: где ты был вообще? Куда звал тебя этот странный голос?

– Я, мои друзья, добился своего – встретился с Ульянкой и выложил ей всё, что к ней чувствую; предложил встречаться и знаете что? – он раскрыл глаза ещё шире.

– Что? – спросили мы с Витькой в один голос.

– Она согласилась!

Честное слово, я был искренне рад за друга. Он этого заслуживал!

– Поздравляем, – сказал Витька. – Но как вы оказались вместе? Она что, здесь?

– Да нет же... Этот проём, он перенёс меня в прошлое, в тот день, когда мы с ней пошли в кино. Он перенёс меня именно на тот момент, когда я в прошлый раз получил от неё отказ. А сейчас это место дало мне шанс всё исправить и у меня получилось!

– Макс, это всё, конечно, классно... Но, по-моему, нам нужно выбираться отсюда и как можно скорее.

Наша тройка обошла клетку.

– Вы никогда, слышите? Никогда не покинете это место! – заявил Женья.

– Это мы ещё увидим – усмехнулся Витька.

Я взглянул на пол, на то место, где был указатель. Сейчас на полу не было ни стрелки, ни таймера. Обычный пол, выложенный из коричневого камня.

– Он пропал? И что же нам делать?

– Может, пойдём дальше?

– Похоже, не пойдём, Витька... – сказал я, глядя через плечи парней.

– Это ещё почему? – вскинул он руками.

Я не стал ничего им объяснять, показал рукой на то, что творится позади них.

– Да что там ещё-то? – измученно произнёс Макс.

Из глубин чёрной бездны поднимался, кружась вправо зелёный треугольный камень с тем же экраном и с теми же полями на нём, лишь надписи изменились.

УЖЕ УХОДИТЕ? МОЖЕТ, ОСТАНЕТЕСЬ ЕЩЁ???

Да/нет

Не тратя времени на раздумья, мы нажали «нет».

На дисплее высветились красные цифры: пять... четыре... три... два... один...

В глазах потемнело.

В глазах побелело. Окружающее начало приобретать образы, тени, цвета. Кожей я ощущал гуляющий ветерок. Мы вернулись обратно – на автомобильное кладбище Переясловской. Оно было заключено сумерками облачного неба, только дождь уже перестал лить как из ведра. После него остался лишь сырой запах.

– Мы что, вернулись домой? – поинтересовался Макс, глядя на нас с Витькой и иногда поглядывая на зависший в воздухе зелёный «МАУНТИНИЙ».

– Как видишь, друг... – я так же наблюдал за светящимся камнем, который погас, а потом упал на сырую землю.

– Что будем с ним делать? – Макс подошёл к камню, поднял его и вопросительно взглянул на нас.

– Не знаю, – я пожал плечами.

Я перевёл взгляд на Витьку. Из его заднего кармана бридж что-то торчало. Из-за сумерек было трудно разглядеть, что именно.

– Погоди, а что это у тебя сзади точит, Вить? – спросил я.

– Что? – раскрытыми ладонями он постучал по карманам. Что-то за его спиной зашуршало. Витька вытащил из кармана согнутую вдвое газету. Я догадался, обратив внимание на размер. – Блин, не видно ничего! – он вытащил из правого переднего кармана свой мобильник, включил на нём фонарик. – Вот так лучше...

Как только свет фонарика пролился на листы газеты «Краснодарский вестник», всё стало более-менее ясно:

Главная новость Кубани: Возвращение пропавших школьников: Загадка треугольного камня

Новые данные по делу об исчезнувших десять дней назад учениках Переясловской школы.

Сегодня, 7 июня в редакцию газеты «Краснодарский вестник» попала видеозапись от родителей всех пропавших детей. Они сообщили о возвращении детей в родные дома. Родители сообщили о «МАУНТИНИИ» – неизвестном науке камне, который перемещал их детей в неизвестное место.

Каждый из ребят встречал камень в том месте, котором находился. К примеру, ученик средних классов Алексей Пономаренко рассказал, что столкнулся с так называемым «МАУНТИНИЕМ» внутри одной из горок аквапарка. Ему достаточно было прикоснуться к камню, как он тут же исчез.

Так же в числе пропавших, кроме Алексея была девушка, ученица седьмого класса и её младший брат Дима. Они рассказали, что наткнулись на камень, будучи далеко в лесу. Набрали свои имена и название одной любимой игры. После, они чудесным образом перенеслись в фиолетовый зал. Встретили трёх парней, школьников, которые предложили им поиграть. Но как говорит Марина Петрова – сестра маленького Димы: Они держали нас в дымчатой клетке.

Сейчас всё уже позади и все сотрудники газеты «Краснодарский вестник» надеются, что подобного на Кубани не случится.

Родители поделились, что их дети рассказали о трёх мальчиках – Максиме, Вите и Серёже, которые помогли им выбраться из места под названием «МАУНТИНИЙ».

УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА К ЭТИМ ТРЁМ ГЕРОЯМ: обратитесь в редакцию нашей газеты и если есть такая возможность, принесите этот камень к нам!!! Мы нуждаемся в вашей помощи.

Ознакомившись с данной статьёй, каждый из нас понимал, что скрыть нашу общую тайну нам не удастся. Но так же все мы понимали и ещё одну немаловажную вещь: мы очень сильно поменялись и каждый из нас по-новому взглянул на жизнь, которая только начинается.

– Это что, получается, мы должны теперь отдать камень в эту редакцию?

– Да, Макс. Именно так, – ответил Витька.

– Может, это и хорошо, Макс. А вдруг они его изучат, и это станет новым открытием?

– Может, всё может быть... Нужно возвращаться домой, родители надают мне по ушам, когда я вернусь.

– Ничего, друг, мы тебя прикроем! – улыбнулся Витька. – Тем более, даже в газете написали, что ты герой.

– Нужно позвонить Ваньке, у него же есть машина, он может довезти до дома. – сказал я.

Витька уже набирал номер.

Из-за плохой сети Витька дозвонился до Ваньки лишь на четвёртый раз. Попросил нашего нового знакомого приехать за нами. Он объяснил, что мы находимся по улице Карла Маркса, в месте, где много старых машин.

Спустя пятнадцать минут, он был у ворот.

Мы выбежали к «Девятке»: я залез вперёд, а парни на заднее сидение.

– Парни, вы чего гуляете в такую погоду? Не болели давно? Да что с вами? Вы как будто привидение увидели.

– Круче! – начал Макс поддавшись вперёд, – Мы тебе всё сейчас расскажем.

– Да, Вань, мы тебе всё расскажем! У тебя есть что-нибудь выпить?

– Выпить? Ну... есть, там, в бардачке посмотри, по-моему, осталась бутылка коньяка.

Я открыл бардачок и увидел небольшую бутылку с чёрной этикеткой. Коньяк назывался «КОКТЕБЕЛЬ».

Каждый из нас отпил по глотку. Нам этого было достаточно, чтобы прийти в себя после произошедшего. Ванька не стал, он был за рулём. Я отправил бутылку на место.

– Серёга, можешь дать свою гармошку? Я же так и не сыграл на ней как следует.

– Держи, дружище! – Я протянул гармошку Вите на заднее сидение.

«Девятка» отъехала немного назад, развернулась вправо и поехала вперёд. Мы направлялись домой.

12

Заряд на плеере кончился. Музыка отключилась. Мы с Катей продолжали лежать обнявшись. За тот час, что я рассказал ей свою историю, мне удалось насчитать ещё четыреста двенадцать Канюков, пролетевших над окном сарая. Ветра уже не было, а окно дало знать нам, что снаружи изрядно потемнело.

– Хм, очень интересно, – Катя положила мне ладонь на грудь. – А что же дальше? Что случилось с твоими друзьями, с камнем? Вы принесли его в редакцию, как было написано в газете?

– Макс с родителями уехал. Оказалось, что их с Ульяной родители дружили, они семьями переехали в Брюховецкую. Седьмой класс они начали в одиннадцатой Брюховецкой школе. Витька как ты знаешь, учится с нами. А камень мы действительно отнесли в редакцию «Краснодарского вестника».

– У вас что, брали интервью? – спросила Катя.

– Да. У меня дома есть один экземпляр газеты, могу дать почитать.

– Хорошо. Я с удовольствием почитаю статью о вас!

Я укрыв свою девушку покрывалом на тот случай, если вдруг похолодает. Мы уснули под окном, которое открывало нам частичку безграничного, звёздного неба.

В свои четырнадцать я боялся многого. Но сейчас, чуть-чуть повзрослев, я боюсь лишь одного: конца наших с Катей встреч в лодке моего отца.

Послесловие автора

Ну как ты там? Ещё не уснул? Надеюсь, что нет.

Ты со своей половинкой выпил всю банку кофе? Ваши кружки пусты и стоят на ковре рядом с диваном? Вы продолжаете лежать под одним пледом, обнявшись? Тогда я хочу поблагодарить вас обоих за потраченное время и терпение. Очень рад был с вами побеседовать! Надеюсь, наши встречи окажутся куда более частыми, не ограничатся всего лишь одним этим сборником, который, к счастью, не будет пылиться на полке с остальной литературой в вашем доме, а до сих пор перед вами, за что вам обоим отдельное спасибо!

Сегодня воскресенье. За окном – пасмурное небо, из-за которого совсем не видно летнего солнца. Я сижу за компьютерным столом у своего ноутбука и дописываю последние строки, клацая

по кнопкам клавиатуры. Совсем недавно у меня закончилась учёба. Впереди меня ждут ещё три недели слесарной практики: прикручивание стульев в актовом зале к семидесятилетию колледжа; разбор ненужного металлолома; промывка и зачистка разнообразных деталей и, конечно же, их покраска.

Вообще в самом начале было пять рабочих недель, но первые две наша группа уже честно отработала, так что осталось совсем чуть-чуть потерпеть – и здравствуй, свобода! А позже останутся два с половиной месяца нашего спокойного, законного отдыха. В них я собираюсь отправиться на поиски вдохновения, отыскать подходящую музыку для создания новых образов героев и миров дальнейших историй. Очень хочется, чтобы этих самых историй было как можно больше! Время покажет, а пока я отправляюсь на двухмесячную прогулку по улочкам моего небольшого городка, чьё население составляет всего-навсего семьдесят тысяч человек – семьдесят тысяч историй, витающих рядом со мной. Вот они, прямо в воздухе! Мне осталось лишь отыскать свою собственную и переложить её на лист бумаги.

Совсем скоро нам придётся попрощаться. Но я хочу, чтобы ты знал, что прощаться я не собираюсь. Так что я скажу просто до свидания, Друзья!